This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3410
N53
1890

מספרי יעקב פאָרמָן ת״א

EX LIBRIS JACOB PEREMEN

Ю. Николаевъ.

5478/670

ПОСЛѢДНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТАГО.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

I.
Власть Тьмы.
II.
Крейцерова соната.
III.
Плоды просвѣщенія.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бул.
1890.

Говорухина-Шах.
Poslednie proizvedenie
grafa Tolstogo

Дозволено цензурой. Москва, Мая 19 1890 г.

[redacted]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Власть Тьмы..... 3

Крейцерова соната 26

Плоды просвѣщенія..... 54

Приложеніе..... 69

I.

„ВЛАСТЬ ТЬМЫ“.

I.

О *Власти Тьмы* снова заговорили по случаю постановки этой драмы на сценѣ одного домашняго театра.

Говорили много, однако дѣло отъ того не выяснилось, и произведеніе графа Толстаго попрежнему осталось безъ надлежащей оцѣнки. Мнѣ кажется, это произошло оттого что спорящіе упустили изъ виду главное—именно самую драму графа Толстаго, и спорили не о ней, а просто между собою, о разныхъ своихъ мнѣніяхъ имѣющихъ весьма малое отношеніе къ произведенію знаменитаго романиста.

Чтобы выяснить въ чемъ дѣло, мы должны ввести обсужденіе его въ надлежащіе предѣлы, изъ которыхъ вопросъ былъ выведенъ тою «критикой» которая занималась въ послѣднее время *Властью Тьмы*. Эти предѣлы—предѣлы *литературной оцѣнки*,

такъ какъ *Власть Тьмы* есть явленіе литературное. Въ этихъ предѣлахъ невозможно было бы сводить свои, особые счеты, какъ сводили ихъ гг. критики произведенія графа Толстаго; въ этихъ предѣлахъ становятся невозможными и упреки въ коммунистическихъ тенденціяхъ, съ которыми обратился къ графу Толстому одинъ нѣмецкій критикъ по поводу разсужденій старика Акима о банкахъ. До всего этого литературной критикѣ нѣтъ дѣла. Для нея существуетъ и можетъ существовать лишь одинъ вопросъ: есть ли драма графа Толстаго *произведеніе художественное*, или нѣтъ? Есть ли въ ней художественная правда, соблюдено ли въ ней то художественное равновѣсіе безъ которыхъ всякое произведеніе искусства, а особливо произведеніе драматическое, теряетъ свой смыслъ?

Вотъ тѣ предѣлы изъ которыхъ не можетъ выступать литературная критика, не рискуя запутаться въ обсужденіи вопросовъ праздныхъ и постороннихъ. Это вовсе не тѣсные предѣлы, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Совершенно напротивъ. Въ этихъ предѣлахъ, *если понадобится*, можно коснуться всевозможныхъ вопросовъ, включительно до вопроса о міросозерцаніи автора и объ его общественныхъ взглядахъ, какъ сдѣлалъ это нѣмецкій критикъ, но касаться всего этого можно не *вообще*, а лишь по отношенію къ главному, основному вопросу, къ вопросу о художественности или нехудоже-

ственности произведенія. Тогда всѣ самые разнообразные вопросы будутъ затронуты въ предѣлахъ дисциплины, присущей тому *философскому разсужденію* которымъ всегда являлась и должна являться литературная критика; тогда центръ тяжести останется въ надлежащемъ мѣстѣ, равновѣсіе не будетъ нарушено, и вопросъ не будетъ затемненъ.

Прошу читателей извинить меня за это небольшое предисловіе. Оно необходимо. Вокругъ драмы графа Толстаго скопилось столько недоразумѣній, именно благодаря неправильной постановкѣ вопроса, что прежде всего надо было указать на эту неправильность и, по возможности, устранить ее; надо было подчеркнуть что́ мы будемъ говорить о драмѣ графа Толстаго, какъ о произведенія литературномъ и только, не примѣшивая сюда ничего посторонняго и прямо къ дѣлу не относящагося.

II.

Высказывалось такое мнѣніе что *Власть Тьмы* «будетъ жить на ряду съ шедеврами русской драматургіи»; упоминалось при этомъ *о Борисѣ Годуновѣ* Пушкина, о *Ревизорѣ*, о *Горе отъ ума*, даже о Глинкѣ и о его *Русланѣ*. Сказано было что «почти всѣ замѣчательныя произведенія русской драматургіи несли такую же участь» какъ *Власть Тьмы*, то-есть долго оставались непонятыми. Указывалось,

что вообще *новое*, оригинальное, не находитъ оцѣнки у современниковъ. Всѣ эти труизмы повторялись для доказательства того что если *Власть Тьмы* не признана еще, такъ сказать, голосомъ всенароднымъ за великое произведеніе искусства, то единственно потому что современники не могутъ возвыситься до пониманія этой драмы; конечно, не всѣ, а тѣ лишь которые не раздѣляютъ вышеприведеннаго мнѣнія о *Власти Тьмы*.

Но дѣло въ томъ что «раздѣлять» нечего. Мнѣнія никакого нѣтъ. Есть голословныя утвержденія— и только.

Всѣ знаютъ что во всемірной литературѣ довольно часто повторялось это явленіе, что современники не могли понять смысла и значенія *новаго* художественнаго явленія. У насъ такъ было и такъ до сихъ поръ остается по отношенію къ Гоголю, напримѣръ. Онъ слишкомъ великъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ близокъ къ намъ. Его трудно разсмотрѣть *всего*, какъ невозможно разсмотрѣть *весь* Исакіевскій соборъ, подойдя къ нему слишкомъ близко. Для этого нужно отойти на извѣстное разстояніе, точно такъ же какъ необходимо чтобы Гоголь отошелъ отъ насъ на извѣстное разстояніе, а пока этого нѣтъ, его еще долго будутъ видѣть лишь по частямъ, а не всего сразу, во всей его совокупности. То же самое утверждаютъ относительно *Власти Тьмы*. Но мало утверждать, надо еще доказать. А этого-то и не дѣлаютъ.

Что *новаго*, такого чего никогда и нигдѣ не было, внесъ графъ Толстой въ область всемірной литературы своею драмой?

Вотъ на какой вопросъ надо отвѣтить, и отвѣтить въ положительномъ смыслѣ, чтобы *съ правомъ* утверждать что драма графа Толстаго равна всему что̀ было великаго въ области русскаго художественнаго творчества.

Но на этотъ вопросъ не отвѣчаютъ. Говорятъ лишь про *реализмъ* драмы графа Толстаго. Но развѣ это отвѣтъ?

За неимѣніемъ отвѣта, попробуемъ сами разобраться въ этомъ дѣлѣ.

III.

У всѣхъ великихъ художниковъ вносившихъ въ область искусства *новое*, такое чего никогда и нигдѣ не было, это новое выражалось въ ихъ *новомъ отношеніи къ дѣйствительности*, въ совершенно новомъ отношеніи къ тѣмъ явленіямъ жизни которыя они дѣлали объектомъ своего творчества. Съ этимъ, кажется, никто спорить не будетъ. Каково же отношеніе къ дѣйствительности которое сказалось у графа Толстаго въ его драмѣ?

Реализмъ, говорятъ поклонники *Власти Тьмы*.

Грубый реализмъ, реализмъ Золя, возражаютъ противники.

И тѣмъ самымъ тѣ и другіе сами себя обличаютъ.

Реализмъ, на ряду со многими другими словами— слово слишкомъ захватанное невѣжественными руками. Надо очистить его отъ житейскаго, обиходнаго значенія, и тогда дѣло станетъ яснымъ.

Художественный реализмъ — будемъ употреблять этотъ терминъ чтобы не путаться— всегда одинъ и тотъ же. Поэтому онъ не можетъ явиться тѣмъ *новымъ* что вноситъ художникъ въ область искусства. И Пушкинъ, и Гоголь, и Шекспиръ, и Сервантесъ, несмотря на то что каждый изъ нихъ внесъ въ область искусства свое, *новое*, такое чего никогда не было, одинаково всѣ *реалисты*, одинаково всѣ воспроизводятъ жизнь въ глубокой ея правдѣ, то есть въ образахъ своихъ показываютъ намъ не то что̀ *бываетъ*, не то что̀ случается, а то что̀ *пребываетъ*, что есть, необходимо должно быть.

Когда Шекспиръ влагаетъ въ уста Макбета послѣ только что совершеннаго убійства такіе монологи какъ—

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Бальзамъ цѣлебный для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру и т. д.—

Когда Шекспиръ вкладываетъ въ уста Макбета всѣ эти монологи, онъ является и остается великимъ

реалистомъ, хотя безъ сомнѣнія, никогда никакой убійца, только-что совершившій свое кровавое дѣло, не произносилъ и не могъ произносить подобные монологи. Но,—по вѣрному замѣчанію А. А. Григорьева,—«какъ *дѣйствительнѣе* можно было выразить весь ужасъ души Макбета, великой и глубокой души, содрогнувшейся предъ совершеннымъ имъ дѣломъ?»

Шекспиръ показалъ здѣсь въ образѣ не то что̀ *случается* и *бываетъ*, а то что̀ *пребываетъ* и должно быть необходимо.

Точно также, по мѣткому выраженію того же А. А. Григорьева, «въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа; въ обыкновенной жизни даже и Земляника не скажетъ на вопросъ Хлестакова: вы вчера, кажеться, были меньше ростомъ?—*Очень можетъ быть съ*; въ обыкновенной жизни даже и такая матушка какая выставлена въ *Отрывкѣ* Гоголя, разсказавъ о *смертной* обидѣ, заключающейся въ томъ что сынъ ея штатскій, а не юнкеръ, не скажетъ: «истинно только одна вѣра въ Провидѣніе поддержала меня»; въ обыкновенной жизни ни одинъ изъ самыхъ слабохарактерныхъ Подколесиныхъ не «убѣжитъ отъ невѣсты въ окно» и т. д.

А между тѣмъ, и именно потому, Гоголь великій *реалистъ*: онъ показываетъ въ образахъ не то что̀ *бываетъ* и *случается*, а то что̀ *пребываетъ* и должно быть необходимо. Онъ, какъ и Шекспиръ,

какъ и всякій великій художникъ, *останавливаетъ мгновеніе*—и останавливаетъ его навѣки.

Такъ вотъ въ чемъ заключается *реализмъ*, безъ котораго невозможно художество вообще, реализмъ который мы одинаково находимъ у всѣхъ великихъ художниковъ, реализмъ который вѣренъ не обыденной житейской дѣйствительности, *а общему смыслу дѣйствительности*.

IV.

Въ драмѣ графа Толстаго, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, нѣтъ такого реализма. Въ ней есть лишь вѣрность дѣйствительности вседневной, житейской, но нѣтъ вѣрности *общему смыслу* дѣйствительности; въ ней изображено то что́ *случается* и *бываетъ*, но не то что̀ *пребываетъ* и необходимо должно быть.

Конечно, такой случай какой разказанъ въ драмѣ графа Толстаго могъ быть; болѣе того, подобные случаи не рѣдки въ крестьянскомъ быту, и мы найдемъ ихъ множество въ судебныхъ отчетахъ; конечно, такія лица какъ Матрена, Петръ, Никита, Акулина—существуютъ; ихъ можно найти въ любой деревнѣ; существуетъ даже Акимъ, если исключить его уже слишкомъ хитрые и слишкомъ напоминающіе статьи графа Толстаго разговоры о банкѣ и о городской жизни; конечно, наконецъ, графъ Толстой обла-

даетъ большимъ дарованіемъ и свой «случай» разказалъ намъ такъ ярко, такъ занимательно и сжато что разсказъ вышелъ интересный,—но все же «случай» остается случаемъ, не болѣе.

Дѣло въ томъ что, напримѣръ, Хлестаковъ и Чичиковъ ни на кого не похожи, а на нихъ похожи многіе; у графа Толстаго его Петръ, Никита, Матрена, Акимъ и пр., дѣйствительно, очень похожи на самихъ себя, но за то уже на нихъ никто не похожъ: это только портреты. Я не противорѣчу себѣ когда говорю такъ. [illegible] томъ-то и бѣда что Петръ и Никита похожи на Петра [illegible] Никиту, какихъ можно встрѣтить въ любой деревнѣ; [illegible] тѣмъ надо чтобы выходило наоборотъ, чтобы, Петръ, [illegible]та и прочія дѣйствующія лица драмы графа Толстаго [illegible] были бы ни на кого похожи, но чтобы на нихъ были похожи многіе. Тогда это были бы реальныя лица, вѣрныя не вседневной дѣйствительности, а *общему смыслу* дѣйствительности.

Подтвержденіе этому можно найти въ самой драмѣ графа Толстаго. И здѣсь дарованіе его, униженное имъ до пересказа простаго «уголовнаго случая», еще разъ блеснуло яркимъ, былымъ свѣтомъ въ созданіи двухъ дѣйствительно *реальныхъ* лицъ—Марины и дѣвочки Анютки—и одной удивительной сцены: подразумѣваемъ здѣсь *варіантъ* явленій XIII, XIV, XV и XVI четвертаго акта.

Не потому мы указываемъ здѣсь на Марину что

въ этомъ лицѣ авторъ показалъ намъ душевную красоту русской дѣвушки; конечно, это лицо намъ симпатично, конечно, оно выступаетъ свѣтлымъ пятномъ на фонѣ «случая» разсказаннаго графомъ Толстымъ,—но не поэтому только мы назвали Марину *реальнымъ* образомъ. Въ этомъ образѣ графъ Толстой остался вѣренъ не вседневной дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности, потому что въ этомъ образѣ онъ сосредоточилъ народное представленіе о *положительномъ* типѣ дѣвушки; и вотъ почему Марина лицо реальное. Но еслибы, точно такъ же, въ образѣ старухи Матрены онъ остался вѣренъ тому же общему смыслу дѣйствительности, еслибъ онъ, точно такъ же, въ этомъ образѣ сосредоточилъ народное представленіе о женщинѣ-злодѣйкѣ, еслибъ онъ дѣйствительно создалъ нѣчто въ родѣ крестьянской леди Макбетъ, что, повидимому, хотѣлъ сдѣлать—то мы и такой образъ тоже назвали бы *реальнымъ*. Но такого образа у него не вышло; вышелъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, болѣе или менѣе удачный портретъ.

Почему реаленъ точно такъ же образъ дѣвочки Анютки? Да все потому же что здѣсь уловленъ общій смыслъ дѣйствительности, потому что здѣсь показана не *житейская* только правда, а *жизненная* правда. Дѣтская душа, еще чистая, еще не загрязненная, еще не знающая зла, поставлена здѣсь въ соприкосновеніе съ жизненною неправдой, съ грѣ-

хомъ и преступленіемъ—и состояніе этой трепещущей, бьющейся какъ голубокъ въ западнѣ, чистой, дѣтской души передано гр. Толстымъ съ потрясающею правдой. Вотъ почему въ сценѣ (упомянутый уже *варіантъ*)—гдѣ изображеніе этой трепещущей дѣтской души доведено до послѣдней степени напряженности — васъ, даже при чтеніи только, охватываетъ какое-то странное чувство мистическаго безпокойства: вамъ *сообщается* это чувство; вотъ почему даже грубый старикъ Митричъ, опять, въ самомъ лучшемъ случаѣ, развѣ лишь болѣе или менѣе удачный портретъ, выростаетъ въ этой сценѣ на мгновеніе до реальнаго образа. И его просвѣтляетъ это соприкосновеніе съ трепещущею какъ голубокъ дѣтскою душой, и ему сообщается то же мистическое безпокойство, обнаруживающее въ его душѣ давно замершую, заглохшую, потухающую искру Божію; на тускломъ фонѣ нравственнаго облика этого грубаго и развращеннаго пьяницы-солдата вдругъ на мгновеніе, какъ бы маніемъ волшебнаго жезла, выступаютъ черты «образа и подобія»...

Но все это, повторяю, является лишь свѣтлымъ пятномъ на тускломъ фонѣ «уголовнаго случая» разказаннаго графомъ Толстымъ въ драматической формѣ; тусклый фонъ такъ и остается тусклымъ фономъ, «случай» такъ и остается случаемъ, лица играющія роль въ этомъ «случаѣ» такъ и остаются лицами не реальными, въ которыхъ есть правда жи-

тейская, но нѣтъ правды жизненной. Драма гр. Толстаго вовсе не реальное произведеніе, какъ утверждаютъ это и поклонники, и порицатели *Власти Тьмы*— и, чтобы сказать все, надо прибавить что и драмы никакой нѣтъ...

V.

Собственно говоря, это уже достаточно ясно изъ всего предшествующаго, и еслибы мы имѣли дѣло не съ замѣчательнымъ художникомъ, по заслугамъ прославленнымъ, незачѣмъ было бы приводить дальнѣйшія соображенія и доказательства. Но поклонники *Власти Тьмы* этимъ не удовлетворятся; они потребуютъ бо́льшаго; кромѣ того, ореолъ окружающій имя графа Толстаго слишкомъ ярокъ и ослѣпляетъ не однихъ исключительныхъ поклонниковъ знаменитаго автора. Поэтому приходится продолжать.

Рѣшаюсь настаивать на своей, непростительной въ глазахъ поклонниковъ *Власти Тьмы*, ереси. Повторяю: *и драмы никакой нѣтъ*. Чтобъ оправдать это утвержденіе приходится отнестись къ дѣлу серьёзнѣе, чѣмъ оно того заслуживаетъ, приходится хотя кратко коснуться вопроса *о сущности трагическаго*, потому что вѣдь драма и трагедія, въ существѣ своемъ, ничемъ другъ отъ друга не отличаются.

Трагическій замыселъ исключаетъ все условное.

мелкое, временное, случайное; истинно - трагическое стоитъ, такъ-сказать, внѣ времени и пространства, обнажая самыя простыя, самыя основныя и самыя глубокія тайны души человѣческой. Съ тѣхъ поръ какъ Шекспиромъ была создара трагедія христіанской эры, смѣнившая трагедію античную съ тѣхъ поръ какъ была освобождена воля человѣческая, скованная древнимъ *Рокомъ*, съ тѣхъ поръ центръ тяжести трагедіи былъ перенесенъ въ другое мѣсто.

Въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній русской поэзіи, а именно, въ небольшой поэмѣ Майкова *Пульчинелъ*, мы находимъ яркую и глубокую характеристику античной трагедіи. Вотъ какъ описываетъ поэтъ впечатлѣніе которое производилъ геніальный актеръ чтеніемъ такой трагедіи:

..... Душой онъ погрузился—
Въ міръ Клеопатръ, Ассуровъ, Митридатовъ,
И этихъ-то сценическихъ гигантовъ
Рузмахъ усвоилъ, страсть, величье, пафосъ;
Онъ глубоко прочувствовалъ, продумалъ
Всѣ положенья, всѣ движенья сердца,
Весь смыслъ, всю суть трагедіи постигъ;
Такъ что когда въ кругу своихъ кліентовъ,
Оборванныхъ такихъ же бѣдняковъ, какъ самъ,
Читалъ отъ—эти всѣ гиганты
Все становились меньше, меньше—
За то расло въ размѣрахъ колоссальныхъ
Одно лицо, безъ образа, безъ вида

И безъ рѣчей—которое безмолвно,
Неудержимо, холодно ихъ губитъ,—
И что́ въ трагедіи зовется *рокомъ*...

Въ трагедіи христіанской эры тоже должно выступить и выступаетъ «одно лицо безъ образа, безъ вида и безъ рѣчей», но уже не мрачный, безпощадный и непонятный *рокъ*, а та вѣчная, ясная и простая правда Христова, на которой держится міръ и которая живетъ во всякой душѣ человѣческой, — та простая правда, удаленіе отъ которой ведетъ къ гибели и къ преступленію. Вотъ почему трагедія христіанской эры имѣетъ въ основаніи своемъ борьбу духа человѣческаго съ плотью—борьбу очищающую этотъ духъ ото всего условнаго, случайнаго, земнаго; она основана на борьбѣ земной страсти, земной похоти съ тою божественною искрой которая живетъ во всякой душѣ человѣческой.

Истинная трагическая коллизія именно и заключается въ томъ что человѣкъ ставится въ такія условія, окружается такими обстоятельствами которыя мало-по-малу, шагъ за шагомъ заставляютъ его стряхнуть съ души всю шелуху земныхъ помысловъ, земныхъ желаній, заставляютъ его признать ложность всѣхъ своихъ стремленій обусловленныхъ похотью плоти—похотью ли сластолюбія, славолюбія, гордости ума и т. д. — ложность всѣхъ своихъ надеждъ и ожиданій; заставляютъ его повѣрить въ непрочность

и ложь всего земнаго и путемъ великой скорби, приводятъ его къ сознанію *что есть въ жизни что-то стоящее и выше личнаго счастья и выше личнаго страданія, что есть что-то великое и высшее, стоящее внѣ насъ и въ то же время живущее въ насъ*, предъ чѣмъ все земное, всѣ земные помыслы, чувства, желанія являются какъ бы безсмысленнымъ мельканіемъ китайскихъ тѣней...

VI.

Вотъ въ чемъ заключается смыслъ и сущность всякой трагедіи, всякой драмы, — смыслъ и сущность, которые должны умѣть передать и авторъ, и актеръ...

Посмотримъ же, насколько удовлетворяетъ этимъ требованіямъ драма графа Толстаго.

Самый сюжетъ даетъ превосходную канву для драмы, для развитія драматическаго дѣйствія, для обрисовки трагическихъ характеровъ. Онъ очень простъ и правдивъ. Смыслъ его въ томъ что душа человѣческая не можетъ выдержать сознанія своей преступности, что одинъ внутренній процессъ покаянія неудержимо приводитъ человѣка къ обнаруженію своего преступленія предъ людьми: человѣкъ самъ желаетъ пострадать, принять на себя кару закона. Лучшаго сюжета для драмы придумать нельзя,—и тѣмъ знаменательнѣе что у графа Толстаго этотъ сюжетъ совершенно пропалъ, что драмы у него не вышло.

Собственно говоря, страннымъ долженъ показаться самый вопросъ, — есть ли его Никита трагическое лицо: до того очевидно что трагическаго въ немъ ничего нѣтъ. Въ немъ нѣтъ *силы*, а трагическое лицо безъ нравственной энергіи и глубины невозможно. Вѣдь Никита—просто сбившійся съ пути крестьянскій парень, тронутый трактирною цивилизаціей деревенскій Донъ-Жуанъ самаго мелкаго разбора, безъ ума, безъ воли, безъ энергіи. Это чувствуетъ и самъ авторъ, заставляющій Никиту совершить преступленіе *случайно*, безо всякой надобности, безо всякой внутренней необходимости. Эта неестественность была уже очень вѣрно подмѣчена и указана однимъ иностраннымъ критикомъ *Власть Тьмы*. Онъ совершенно основательно спрашивалъ почему же Матрена сама не убила ребенка, а заставила это сдѣлать Никиту? Опять-таки потому что графъ Толстой въ своей драмѣ является не реалистомъ: и въ этомъ пунктѣ онъ вѣренъ только житейской правдѣ, а не общему смыслу дѣйствительности. Конечно, могъ быть и такой *случай*, но въ драмѣ, какъ я уже сказалъ раньше, ничто *случайное* не должно имѣть мѣста.

Случайное преступленіе ведетъ и къ случайному, полупьяному покаянію Никиты. Опять-таки, могъ быть и подобный *случай*, но, необусловленный внутреннею необходимостью, онъ такъ и остается случаемъ, никакого значенія не имѣющимъ. И дѣйствительно, развѣ графъ Толстой показалъ намъ тотъ процессъ

душевной борьбы который приводитъ Никиту къ покаянію? Развѣ онъ обнажилъ предъ нами душу человѣческую, ужаснувшуюся предъ совершеннымъ страшнымъ дѣломъ, развѣ его Никита «обратилъ очи въ глубь души» чтобъ увидѣть ее «въ такихъ смертельныхъ, въ такихъ кровавыхъ язвахъ», развѣ показано въ драмѣ графа Толстаго, какъ въ душѣ человѣческой, преступленіемъ своимъ удалившейся отъ Бога, все болѣе наростаетъ безпокойство, какъ внѣдряются въ нее страхъ и пустота, какъ для человѣка, благодаря такому его душевному состоянію, наступаетъ то ужасное одиночество среди людей отъ которыхъ онъ отдѣленъ своимъ грѣхомъ, то одиночество которое разрѣшается или самоубійствомъ, или всенароднымъ покаяніемъ, жаждою страданій, кары, очищенія внутренняго и внѣшняго, посредствомъ покаянія и преданія себя на судъ человѣческій. Развѣ мы видимъ въ сценѣ покаянія Никиты то величавое и страшное покаяніе о которомъ Соня Мармеладова (*Преступленіе и Наказаніе* Достоевскаго) говоритъ Раскольникову, узнавъ что онъ убійца и отвѣчая на вопросъ его что̀ же теперь дѣлать: «Пойди на перекрестокъ, поклонись народу, поцѣлуй землю, потому что ты и предъ нею согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: *я убійца!* Тогда Богъ опять тебѣ жизнь пошлетъ»...

Ничего этого нѣтъ въ драмѣ графа Толстаго, да и не могло быть. Не по недостатку дарованія у ав-

тора, конечно, а потому что въ душѣ Никиты нѣтъ и нельзя найти ничего этого, потому что онъ не трагическое лицо. Его покаяніе не есть результатъ трагической душевной борьбы, а результатъ цѣлаго ряда чисто внѣшнихъ, самыхъ разнообразныхъ нервныхъ потрясеній, результатъ расшатанной нервной системы: онъ кается подъ вліяніемъ минуты, случайно, и еслибъ эта минута точно такъ же случайно прошла благополучно, то никакого покаянія и не было бы. Въ драмѣ графа Толстаго все условно, временно, случайно—и вотъ почему въ ней нѣтъ того *внутренняго единства* безъ котораго драма невозможна. *Власть Тьмы* не есть драма, а всего только рядъ вѣрныхъ *житейской правдѣ* сценъ, нанизанныхъ на ниточку не имѣющаго внутренней логики міросозерцанія автора; она есть результатъ того *нигилизма* въ искусствѣ, отрицающаго общій смыслъ жизни, которому подчинилъ графъ Толстой свое огромное дарованіе.

VII.

Драма графа Толстаго чрезвычайно напоминаетъ картины г. Рѣпина: она написана именно *въ рѣпинскомъ стилѣ*. Какъ картины г. Рѣпина представляютъ всего только собраніе, часто великолѣпно написанныхъ, *этюдовъ*, по самому своему свойству вѣрныхъ лишь житейской правдѣ, но не общему

смыслу жизни—этюдовъ, связанныхъ *внѣшнимъ образомъ* въ картину, такъ и *Власть Тьмы* представляетъ собой рядъ житейскихъ сценъ, имѣющихъ между собою лишь внѣшнюю связь и втиснутыхъ въ формальныя рамки драмы.

Всѣмъ, конечно, памятна картина Рѣпина *Крестный Ходъ*. Глядя на этотъ рядъ этюдовъ, великолѣпно написанныхъ, прежде всего приходило въ голову что эта картина *не реальна*, что здѣсь переданъ только фактъ, но не *смыслъ факта*. Правда, возможенъ и такой крестный ходъ, но разъ художникъ даетъ не этюдъ только, не снимокъ съ натуры, а картину, разъ онъ берется изобразить *вообще* крестный ходъ, крестный ходъ въ Россіи, ему надо изобразить лица которыя должны *не случайно*, а *необхадимо* присутсвовать на этомъ крестномъ ходѣ. Вѣдь здѣсь прямое мѣсто и Тургеневской Лизѣ, и Толстовскимъ Платону Каратаеву и юродивому Митѣ, и Некрасовскому Власу, и дѣду Архипу изъ *Грѣхъ да бѣда* Островскаго, и мало ли еще кому; художникъ долженъ былъ понять что присутствіе здѣсь подобныхъ лицъ требуется именно *жизненной правдой*, что отсутствіе ихъ будетъ *вопіющею фальшею*, что безъ нихъ останется только одинъ *фонъ* картины, и больше ничего...

Конечно, я указывалъ на Лизу, Архипа и прочихъ не съ тѣмъ чтобы связать ими полетъ фанта-

зіи художника; я хотѣлъ этимъ указаніемъ лишь иллюстрировать свою мысль...

Точно такъ же въ драмѣ, подобной *Власти Тьмы*, гдѣ долженъ быть изображенъ *покаянный подвигъ* русскаго мужика, въ такой драмѣ, не говоря уже о главномъ героѣ, невольно ищешь и Платона Каратаева, и юродиваго Митю, и дѣда Архипа, и Власа, и многіе женскіе народные образы, созданные Тургеневымъ, Островскимъ, Писемскимъ, Мельниковымъ; здѣсь ихъ прямое мѣсто, а все остальное, исключая развѣ Марину и дѣвочку Анютку, должно было бы составлять лишь фонъ картины. У графа же Толстаго этотъ *фонъ* поставленъ на первомъ планѣ, а главныя фигуры вовсе отсутствуютъ, и вотъ почему, какъ *Крестный ходъ* Рѣпина не есть картина, не есть произведеніе художественное, такъ и *Власть Тьмы* графа Толстаго не есть драма, не есть произведеніе художественное.

Не зачѣмъ прибавлять, конечно, что и здѣсь я упомянулъ объ Архипѣ, Власѣ и другихъ единственно для иллюстраціи, а вовсе не для того чтобъ указать графу Толстому примѣры для подражанія, какъ могутъ подумать слишкомъ привязчивые поклонники *Власти Тьмы*. Пусть образы созданные Тургеневымъ и Островскимъ, Писемскимъ и Мельниковымъ, недостаточно ярки, недостаточно выразительны; пусть бы графъ Толстой создалъ образы болѣе яркіе, болѣе выразительные, но умѣстные въ драмѣ,

необходимые въ ней. Теперь же не только нѣтъ *народной* драмы, какъ называютъ *Власть Тьмы* поклонники этого произведенія, но нѣтъ вовсе драмы. *Власть Тьмы* свидѣтельствуетъ лишь о томъ что гр. Толстой унизилъ свой талантъ до *рѣпинской манеры*, потому что драматизмъ въ его произведеніи тотъ же *рѣпинскій*. Какъ рѣпинскій *Иванъ Грозный* волнуетъ не душу зрителя, а только нервы его, такъ и толстовская *Власть Тьмы* волнуетъ только нервы зрителя, а не душу его...

Но въ наше время, когда *нервозная чувствительность* смѣнила *чувство* и развивается на счетъ его, такія произведенія нравятся и имѣютъ успѣхъ. Въ нихъ видятъ что-то *новое*, между тѣмъ какъ это есть всего только проявленіе стараго *нигилизма* въ искусствѣ, который понятіе о правдѣ художественной принизилъ до понятія о правдѣ обиходной, случайной, житейской... Но гдѣ есть *случайное*—тамъ уже нѣтъ искусства и быть его не можетъ, потому что искусство всегда воспроизводило и будетъ воспроизводить, болѣе или менѣе совершенно, только *вѣчное* и неперемѣнное, насколько оно проявляется во временномъ и случайномъ...

VIII.

Мнѣ остается прибавить нѣсколько словъ объ одной совершенно второстепенной подробности. Я под-

разумѣваю грубыя и неприличныя слова поминутно произносимыя дѣйствующими лицами *Власти Тьмы*, и грубую сцену убійства которую графъ Толстой замѣнилъ упомянутымъ уже здѣсь *варіантомъ*.

Во всемъ этомъ поклонники *Власти Тьмы* видятъ нѣкоторый особенный и какъ бы *высшій реализмъ*. Помнится, кто-то по этому случаю ссылался на Шекспира, и даже съ торжествомъ. И у него есть грубыя слова, и у него есть грубыя сцены: чего уже лучше сцены вырыванія глазъ у Глостера въ *Королѣ Лирѣ*.

Да вѣдь всякій художникъ, и даже величайшій, есть сынъ своего вѣка, и въ его произведеніяхъ отражается не только его геній, стоящій выше вѣка и выше вѣковъ, но отражаются и особенности его времени. Эти особенности времени отразились и въ произведеніяхъ Шекспира, и специфическою цвѣтистостью языка, и грубыми словами, и иными грубыми сценами. Но развѣ въ *этомъ* сущность созданій Шекспира? Все это отъ нихъ отпало, а онѣ живутъ и будутъ жить вѣчно. Да грубыя сцены, какъ напримѣръ сцена вырыванія глазъ у Глостера, *сами собой* выпадаютъ изъ созданій Шекспира: ихъ не нужно замѣнять варіантами, ихъ просто устраняютъ. У графа Толстаго грубыя слова и грубая сцена явились подъ вліяніемъ того же, ожившаго въ его произведеніи, *нигилизма* въ искусствѣ о которомъ мы говорили выше, но, къ сожалѣнію, это вліяніе отра-

зилось не одними грубыми словами и грубою сценой: оно испортило и все произведеніе графа Толстаго.

И будто, чтобы передать колоритъ русской народной рѣчи, необходимы грубыя и неприличныя слова? Передавали же прекрасно этотъ колоритъ и Островскій, и Писемскій, и Мельниковъ, и самъ графъ Толстой въ иныхъ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, не прибѣгая къ подобнымъ словамъ и оборотамъ...

II.

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА.

Мы всѣ развратны, всѣ до одного; не вѣрь никому изъ насъ.

—

Вѣдь добродѣтели не привьешь къ старому пню такъ, чтобъ и слѣда прежнихъ грѣховъ не осталось...

—

Иди въ монастырь!

Шекспиръ. *Гамлетъ.*

I.

Къ сожалѣнію, мнѣ придется говорить болѣе по поводу *Крейцеровой Сонаты* нежели о *Крейцеровой Сонатѣ*. Это произведеніе графа Толстаго мы имѣемъ только въ рукописи — оно не напечатано. Можетъ быть, печатая его, авторъ далъ бы намъ болѣе обработанную вещь — да въ газетахъ и промелькнуло извѣстіе, что онъ именно такъ и хотѣлъ

сдѣлать: то-есть еще и еще обработать свою повѣсть. И дѣйствительно, въ томъ видѣ какъ мы имѣемъ это произведеніе, оно представляетъ собою какъ бы черновой набросокъ. Вотъ почему несправедливо было бы подвергать *Крейцерову Сонату*, такъ сказать, эстетической критикѣ: опредѣлять художественныя ея достоинства и недостатки; быть-можетъ, при дальнѣйшей обработкѣ достоинства эти выступили бы на первый планъ, а недостатки отошли бы на второй: между тѣмъ, теперь выходитъ наоборотъ. Въ виду всего этого, приходится предложить читателямъ лишь бѣглыя замѣтки *по поводу Крейцеровой Сонаты*,— бѣглыя замѣтки, не претендующія на опредѣленіе всего размѣра и всего значенія этого произведенія.

II.

Въ сущности, графъ Толстой не сказалъ въ своей *Крейцеровой Сонатѣ* ничего новаго. Все тамъ высказанное, кромѣ иныхъ мыслей, обусловленныхъ самимъ *положеніемъ*, героя этой повѣсти Познышева, убившаго свою жену, является лишь болѣе рѣзкимъ и даже не болѣе подробнымъ развитіемъ прежнихъ мыслей графа Толстаго; точно также и самъ Познышевъ, въ смыслѣ лица типичнаго, есть всего только сколокъ съ Левина изъ *Анны Карениной*, о чемъ далѣе я скажу подробнѣе.

Съ другой стороны, самая сущность того, что вы-

сказано графомъ Толстымъ въ его послѣднемъ произведеніи, вовсе не нова. Объ этомъ говорилось много разъ, говорилось гораздо сильнѣе и глубже. Уже въ приведенныхъ мною въ началѣ этой статьи цитатахъ изъ *Гамлета* заключена вся сущность мыслей, выраженныхъ въ *Крейцеровой Сонатѣ*, гдѣ лишь не указанъ тотъ исходъ, который указываетъ Гамлетъ — «иди въ монастырь». Говоря Офеліи: «мы всѣ развратны, всѣ до одного, не вѣрь никому изъ насъ», несчастный датскій принцъ выражаетъ кратко и сильно ту же мысль, которую детально, съ подробностями развиваетъ Познышевъ въ своихъ утомительно-длинныхъ монологахъ. Содержаніе другой части этихъ утомительно-длинныхъ монологовъ опять можетъ быть выражено кратко, сжато и сильно слѣдующими словами Гамлета: «Наслушался я вашей болтовни»,—говоритъ онъ, какъ бы обращаясь ко всѣмъ женщинамъ,—«вдоволь наслушался. Богъ далъ вамъ походку, а вы сочиняете себѣ другую: вы припрыгиваете, сѣмените ногами; вы перешептываетесь, даете шутовскія прозвища Божіимъ твореніямъ и оправдываете легкомысліе свое невѣдѣніемъ. Поди! Не нужно мнѣ болѣе этого! Это-то и свело меня съ ума. Я говорю: больше не будетъ браковъ! Тѣ которые женились уже, всѣ, кромѣ одного, пусть живутъ себѣ; остальные останутся какъ были».

Въ этихъ отрывкахъ изъ монологовъ Гамлета очевидно заключается все содержаніе *Крейцеровой Со-*

наты, кромѣ иллюстрирующей это содержаніе исторіи брака Познышева и убійства имъ своей жены.

Но, если мы обратимся отъ произведеній художественныхъ къ произведеніямъ философскимъ, то мысли о женщинѣ, о бракѣ и о любви высказанныя въ *Крейцеровой Сонатѣ* — мы найдемъ цѣликомъ у Шопенгауэра, въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій и особенно въ *Метафизикѣ Любви*. Для всякаго знакомаго съ Шопенгауэромъ и прочитавшаго *Крейцерову Сонату* это, конечно, столь ясно, настолько само собою бросается въ глаза, что не требуетъ подтвержденія цитатами. Но точно также и у Шопенгауэра мысли эти выражены гораздо глубже и сильнѣе чѣмъ у гр. Толстаго.

Нѣтъ сомнѣнія что пессимистическія воззрѣнія, которыя полнѣе всего выразились именно въ философіи Шопенгауэра, сильно вліяли на гр. Толстаго и отразились въ лучшихъ его произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ *Войнѣ и Мирѣ* и *Аннѣ Карениной*. Но тамъ эти воззрѣнія отразились оригинально, преломленные, такъ-сказать въ созданныхъ авторомъ художественныхъ образахъ; въ *Крейцеровой Сонатѣ*, гдѣ гр. Толстой является уже не столько художникомъ сколько проповѣдникомъ, тѣ же воззрѣнія просто *изложены* — и изложены гораздо хуже и слабѣе нежели тамъ, откуда они почерпнуты. И лишь пять-шесть мастерски написанныхъ сценъ, въ которыхъ все же сказался былой графъ Толстой, —

графъ Толстой *Войны и Мира*, *Анны Карениной*,— выкупаютъ для читателя скуку длиннѣйшихъ разсужденій на избитыя темы о женскомъ кокетствѣ, о локонахъ и джерси.

III.

Принцъ Гамлетъ, этотъ «великій», но «омраченный» духъ, съ геніальнымъ проникновеніемъ понимаетъ всю подкладку жизни, всю ея ложь, но, благодаря своему «омраченному» духу, не видитъ всей ея правды и красоты. Но все же онъ угадываетъ исходъ изъ своего больнаго, *субъективнаго* пессимизма: для себя — въ подчиненіи волѣ Провидѣнія, для Офеліи—въ подвигѣ христіанскаго аскетизма.

Шопенгауэръ, какъ на исходъ изъ пессимистическаго отношенія къ жизни, становясь не логичнымъ—а въ данномъ случаѣ эта нелогичность имени свидѣтельствуетъ объ его высокомъ умѣ — тоже указываетъ на аскетизмъ, но уже на аскетизмъ обезсмысленный, сухой, холодный, на аскетизмъ во имя логическаго требованія разума, на аскетизмъ безъ надежды и упованія, безъ умиленія и молитвы. И если христіанскій аскетизмъ, приближая человѣка къ Богу, къ источнику всякой любви, тѣмъ тѣснѣе соединяетъ его съ міромъ, то аскетизмъ Шопенгауэра, разъединяя человѣка съ міромъ и жизнью, оставляетъ его въ холодномъ одиночествѣ, въ одиночествѣ глухаго отчаянія. Это трагическій аскетизмъ.

Графъ Толстой не принимаетъ ни того, ни другаго исхода. Онъ создаетъ свою доктрину. Она всѣмъ извѣстна. Это — его ученіе о «непротивленіи злу», ученіе въ концѣ концовъ сводящееся къ проповѣди нравственнаго комфорта и, такъ сказать, душевной гигіены, поставленныхъ на мѣсто евангельскаго ученія о нравственности. Я не имѣю возможности здѣсь, въ бѣглыхъ замѣткахъ о *Крейцеровой Сонатѣ*, разбирать религіозно-философскую доктрину графа Толстаго во всей ея совокупности—и коснусь ея лишь постольку, поскольку она отразилась въ его послѣдней повѣсти.

Мысли высказанныя здѣсь графомъ Толстымъ о бракѣ и любви, какъ мы видѣли, не новы. Такъ-называемую «идеальную» любовь отрицали многіе и съ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія. Отрицаетъ ее Шопенгауэръ съ точки зрѣнія своей глубокой, хотя и односторонней философіи, давая опять-таки хотя глубокій, но односторонній анализъ этого чувства въ своей *Метафизикѣ Любви*; отрицаетъ ее, напримѣръ... и всѣмъ памятный Петръ Ивановичъ Адуевъ изъ *Обыкновенной Исторіи* Гончарова. Случилось какъ-то такъ что Петръ Ивановичъ Адуевъ, смотрящій на дѣло тоже съ точки зрѣнія опредѣленія міросозерцанія — съ точки зрѣнія мелочнаго житейскаго здраваго смысла — совершенно сходится во взглядѣ на такъ-называемую «идеальную любовь» съ Шопенгауэромъ, съ героемъ *Крейцеровой Со-*

наты Познышевымъ и съ графомъ Л. Толстымъ, поскольку мнѣнія этого писателя отразились во мнѣніяхъ героя его послѣдняго произведенія.

Когда племянникъ Петра Ивановича, Александръ Адуевъ, начинаетъ произносить восклицанія о «святой любви», о «сліяніи душъ» и такъ далѣе, дядя отвѣчаетъ ему въ слѣдующихъ словахъ:

Знаю я эту «святую» любовь, говоритъ Петръ Ивановичъ, — въ твои лѣта только увидятъ локонъ, башмакъ, подвязку, дотронутся до руки — такъ по всему тѣлу и побѣжитъ святая возвышенная любовь, а дайка волю, такъ и того...

На вопросъ Александра, неужели онъ считаетъ «поцѣлуй Наденьки» «матеріальнымъ», Петръ Ивановичъ отвѣчаетъ:

Безъ сомнѣнія, дѣйствіе электричества; влюбленныя все равно что двѣ лейденскія банки: оба сильно заражены; поцѣлуями электричество разрѣшается, и когда разрѣшится совсѣмъ — прости любовь, слѣдуетъ охлажденіе.

Анализируя любовныя отношенія Александра Адуева и Наденьки, авторъ *Обыкновенной Исторіи* со спокойною безпощадностію снимаетъ съ этихъ отношеній всѣ покровы идеальнаго, обнажаетъ ихъ до послѣдней ихъ сущности — и эта сущность оказывается вовсе не идеальною. Все это дѣло развѣнчанія «идеальной любви» Гончаровъ въ своей *Обыкновенной Исторіи* сдѣлалъ съ гораздо бо́льшимъ

мастерствомъ нежели графъ Толстой въ *Крейцеровой Сонатѣ*; но Гончаровъ не обобщаетъ своего анализа, какъ дѣлаетъ то графъ Толстой. Онъ и самъ понимаетъ что *стремленіе къ идеалу* никогда не признаетъ своимъ выразителемъ Александра Адуева. Графъ же Толстой уже вообще развѣнчиваетъ понятіе о любви и о бракѣ, какъ бы и не подозрѣвая что срвемленіе къ идеалу точно такъ же не признаетъ и не можетъ признать своимъ выразителемъ его Познышева. Если у Познышева, въ его любви, которую онъ считалъ идеальною, очень скоро отпало все идеальное и, въ концѣ концовъ, остались только локоны, да стройная фигура обтянутая джерси, возбуждающемъ такое негодованіе въ героѣ повѣсти графа Толстаго — то вѣдь это случилось не потому, чтобъ идеальное не играло никакой роли въ любви, а просто потому что идеаляныя стремленія Познышева были напускныя, не вытекали изъ самой сущности его натуры: иначе они не отпали бы какъ ненужная шелуха, а, развиваясь, осмысливаясь, привели бы его къ идеальному воззрѣнію на бракъ — къ воззрѣнію христіанскому...

IV.

Никто, конечно, не станетъ смѣшивать самого графа Толстаго съ лицомъ выведеннымъ въ его повѣсти. Конечно, это — лицо созданное совершенно

объективно. Но, несомнѣнно, въ длинныхъ монологахъ Познышева, совершенно нарушающихъ художественное равновѣсіе, можно найти много мнѣній принадлежащихъ самому графу Толстому, потому что подобныя же мнѣнія были высказываемы авторомъ *Крейцеровой Сонаты* и раньше, уже отъ своего лица. Въ этихъ своихъ мнѣніяхъ графъ Толстой часто подходитъ къ истинѣ, но, какъ и всегда, тотчасъ же удаляется отъ нея, мѣшаетъ правду съ ложью, изъ чего выходитъ худшая ложь.

Отрицая совершенно бракъ, графъ Толстой устами Познышева говоритъ:

Они (то-есть браки) существовали и существуютъ у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ нѣчто таинственное, таинство, которое обязываетъ предъ Богомъ. У тѣхъ они существуютъ, а у насъ ихъ нѣтъ, и они только лицемѣріе и насиліе. И вотъ мы чувствуемъ это, и чтобъ избавиться отъ этого, проповѣдуемъ свободную любовь. Въ сущности же проповѣдь свободной любви есть не что иное какъ призывъ къ возвращенію назадъ, къ смѣшенію половъ, къ свальному грѣху. *Износилась старая основа, надо найти новую, а не проповѣдывать развратъ.*

Въ другомъ мѣстѣ *Крейцеровой Сонаты* мы читаемъ:

Но у насъ, когда изъ десяти брачущихся едвали есть одинъ, который не то что вѣритъ въ таинство *(вѣрить или не вѣрить въ это неважно)*, но вѣритъ въ то, что оно обѣщаетъ, и т. д.

Вотъ прекрасный обращикъ смѣшенія правды съ

ложью, уничтожающей и самую правду. И на этотъ разъ мнѣ кажется, что это смѣшеніе происходитъ отъ непониманія той правды, къ которой такъ близко подходитъ графъ Толстой. Внѣ *таинства* нѣтъ брака, а есть только развратъ, прикрытый обезсмысленною и обездушенною *формой* брака. Совершенная правда. Какъ только вѣра въ бракъ, какъ въ таинство, разрушена, такъ тотчасъ же на ея мѣсто становится принципъ «свободы чувствъ». Такъ,—и иначе быть не можетъ, и трудно болѣе глубоко и вѣрно объяснить происхожденіе проповѣди «свободной любви». Но тутъ же графъ Толстой прибавляетъ, что эта «старая основа,» то-есть вѣра въ бракъ какъ въ таинство, «износилась», и что надо выдумать новую; тутъ же, уже совершенно послѣдовательно, говоря, что на десять брачущихся едвали одинъ вѣритъ въ таинство брака, онъ прибавляетъ, что «это и неважно», то-есть вѣрить или не вѣрить.

Все это доказываетъ только, что на этотъ разъ графъ Толстой рѣшительно не понимаетъ самъ, что онъ говоритъ, не понимаетъ значенія употребляемыхъ имъ словъ и выраженій.

И здѣсь онъ споткнулся на томъ же мѣстѣ, на которомъ споткнулся изслѣдуя христіанское ученіе вообще. Припомните его *Исповѣдь*, припомните какъ онъ тамъ описываетъ тотъ психологическій процессъ, который привелъ его отъ невѣрія къ вѣрѣ. Все шло хорошо, пока онъ не столкнулся съ *тайной*. Онъ

не могъ принять таинства Евхаристіи и, благодаря этому, отступилъ на прежнюю дорогу невѣрія. Онъ не могъ возвыситься до пониманія возможности вѣры въ *тайну*, недоступную разуму человѣческому, но лишь *постигаемую* всѣмъ существомъ. Разъ отринувъ возможность такого *постиженія*, которымъ увѣнчивается, конечно, лишь трудный и продолжительный нравственный подвигъ, разъ отринувъ вѣру въ *тайну*, онъ, конечно, не могъ признать этой тайны и въ бракѣ. И, такимъ образомъ, тотчасъ же заключилъ себя въ замкнутый кругъ безвыходныхъ противорѣчій. Если въ христіанскомъ понятіи о бракѣ, какъ о таинствѣ обязывающемъ брачущихся предъ Богомъ, все ясно, просто, понятно и логично, то въ проповѣди о бракѣ графа Толстаго все неясно, спутано и нелогично. Если внѣ *таинства*, внѣ таинственнаго значенія брака, нѣтъ и самаго брака, а есть только проявленіе обыкновеннаго животнаго инстинкта, прикрытаго формой брака, то что̀ же ставитъ графъ Толстой на мѣсто *тайны*, на мѣсто этой «износившейся», по мнѣнію его, «основы»? Онъ ставитъ на мѣсто этой «основы» совершенно произвольное утвержденіе, что бракъ самъ по себѣ есть нѣчто противоестественное — и изъ этого произвольнаго утвержденія выводитъ проповѣдь безбрачія. Затѣмъ, становясь нелогичнымъ даже по отношенію къ своему произвольному утвержденію, онъ допускаетъ бракъ, но замѣчаетъ, что въ брачныхъ отношеніяхъ

надо подражать животнымъ, у которыхъ они, эти отношенія, согласны съ самою природой вещей и потому инстинктивно-правильны. Это подражаніе животнымъ онъ совѣтуетъ не во имя какого-нибудь высшаго моральнаго принципа — ибо во имя такого принципа уже никакъ невозможенъ такой совѣтъ — а во имя *пользы*, во имя принципа нравственнаго комфорта и физической гигіены. Такимъ образомъ «старую износившуюся основу» онъ хочетъ замѣнить новою: нравственнымъ комфортомъ и физическою гигіеной. И тутъ же у него достаетъ духа ссылаться на Христа и на его слова о «могущихъ вмѣстить»...

V.

Христіанство возводитъ бракъ до степени великаго *таинства*. Оно очищаетъ земную любовь, указывая, что въ ней должна отобразиться любовь божественная: и въ любви между мужемъ и женой, и въ любви дѣтей къ родителямъ, и въ любви родителей къ дѣтямъ. Оно ставитъ ясный, простой, всѣмъ христіанамъ понятный и недосягаемый идеалъ. Оно устами Апостола говоритъ, что мужъ долженъ любить жену какъ Христосъ возлюбилъ Церковь. Это *уподобленіе* все объясняетъ: въ бракѣ требуется вся полнота любви, какая только доступна человѣку. Самая недосягаемость идеала какъ бы подразумѣваетъ обязательность постояннаго, въ продолженіе всей

жизни, нравственнаго усовершенствованія, постоянной работы надъ собою, постоянной борьбы со своею плотью. Потому что только постоянное стремленіе освободить въ себѣ человѣка *духовнаго* приводитъ къ возможности такой любви, какую христіанство предписываетъ въ бракѣ. Такимъ образомъ христіанскій бракъ предъявляетъ къ брачущимся требованіе особаго *подвига*, во всемъ своемъ размѣрѣ превышающаго человѣческія силы, возможнаго лишь при особой помощи Божіей—и вотъ почему христіанство возводитъ бракъ до степени *таинства*, сообщающаго супругамъ особые благодатные дары, съ помощью которыхъ и при величайшемъ напряженіи своихъ нравственныхъ силъ они могутъ совершить свой подвигъ.

Изъ такого воззрѣнія на бракъ само собою вытекаетъ требованіе *цѣломудрія* въ самомъ бракѣ. При такомъ воззрѣніи на бракъ плотская любовь является только *средствомъ* для осуществленія *цѣли* брака: рожденія и воспитанія дѣтей. И если это средство обращаютъ въ цѣль, то самая идея брака нарушается и, мало того, оскорбляется.

Требованіе цѣломудрія въ бракѣ вытекаетъ здѣсь не изъ примѣра животныхъ, какъ у графа Толстаго, не изъ соображеній о нравственномъ комфортѣ и о физической гигіенѣ, а изъ самой идеи брака, изъ взгляда на бракъ какъ на христіанскій подвигъ. Вотъ почему когда Христосъ, а за Нимъ и апостолъ Его,

а за Ними и Церковь проповѣдуетъ безбрачіе для «могущихъ вмѣстить», то тѣмъ самымъ вовсе не отрицается, не порицается и не унижается бракъ, какъ думаетъ то гр. Толстой, а лишь указывается неодинаковый подвигъ для однихъ и для другихъ. Христіанство ни на кого не налагаетъ бременъ «тяжкихъ и неудобоносимыхъ», а отъ каждаго требуетъ по его силамъ. Тѣмъ, у кого есть столько душевной силы, чтобы совершить подвигъ аскетизма — оно предлагаетъ этотъ подвигъ; слабѣйшимъ оно предлагаетъ и подвигъ слабѣйшій — подвигъ въ бракѣ въ семьѣ,—но все же христіанскій подвигъ...

Графъ же Толстой, проповѣдуя безбрачіе, во имя произвольнаго утвержденія что бракъ есть явленіе противуестественное, мало того что стремится наложить на людей «бремена тяжкія и неудобоносимыя»,— но еще и не указываетъ во имя чего же, кромѣ произвольныхъ утвержденій, обязаны они нести эти «бремена»...

VI.

Познышевъ, разказывая свою исторію, видитъ причину всѣхъ своихъ несчастій, во-первыхъ, въ томъ что онъ женился, будучи до брака не цѣломудреннымъ: «я не теперь убилъ жену, а тогда, женившись на ней», говоритъ онъ, подразумѣвая, что возможность такого исхода, то-есть убійства, заключалась

въ его не цѣломудріи до брака. Во-вторыхъ, Познышевъ видитъ причину своихъ несчастій еще и въ томъ, что между нимъ и его женой не было духовнаго единенія.

Графъ Толстой, конечно, въ высшей степени правъ высказывая, устами Познышева, величайшее порицаніе тому распространенному въ обществѣ взгляду, который чрезвычайно легко относится къ нецѣломудренному образу жизни молодыхъ людей до брака. Исторія юности Познышева, исторія его «паденія», его безсознательнаго разврата, оправдываемаго и, пожалуй, даже поощряемаго взглядами на это общества, дѣйствительно ужасна, если посмотрѣть на все это съ иной, не общепринятой точки зрѣнія. А эта не общепринятая точка зрѣнія и будетъ точкою зрѣнія христіанскою. Христіанство предъявляетъ требованіе цѣломудрія одинаково какъ для юношей, такъ и для дѣвицъ, и если общее мнѣніе смотритъ на дѣло иначе, если къ нецѣломудренному поведенію молодыхъ людей относятся легко, пріучая и ихъ къ такому же отношенію, то это потому что, къ несчастію, наша общественность слишкомъ удалилась отъ христіанскихъ началъ, слишкомъ удалилась отъ Церкви и уже мало подчиняется ея вліяніямъ и воздѣйствіямъ. А Церковь всегда одинаково смотрѣла на это дѣло, начиная отъ первыхъ вѣковъ и до сего времени. Въ твореніяхъ отцовъ Церкви, въ твореніяхъ великихъ проповѣдниковъ, мы находимъ много страницъ пора-

зительныхъ по своей глубинѣ и силѣ, по тонкости «психологическаго анализа», какъ теперь выражаются,— много страницъ посвященныхъ разсужденію о цѣломудріи, о значеніи цѣломудрія для брака и о цѣломудріи въ самомъ бракѣ. Отцы Церкви, величайшіе психологи, равныхъ которымъ не представляетъ всемірная литература, касаясь этихъ вопросовъ, заглядываютъ въ самыя недоступныя глубины души человѣческой, выслѣживаютъ самые сокровенные мотивы, таящіеся въ этихъ глубинахъ и, изслѣдовавъ болѣзнь до корня, указываютъ лѣкарство, указываютъ способы борьбы съ плотскою похотью. И именно, проникшись духомъ этого церковнаго ученія, Пушкинъ могъ написать о цѣломудріи эти дивныя строки вложенныя имъ въ уста умирающаго царя Бориса:

О милый сынъ! Ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ;
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ

Таковъ былъ взглядъ древней Руси на цѣломудріе, Въ тогдашнемъ обществѣ, еще не отдалившемся отъ Церкви Христовой, еще подчиненномъ ея вліянію. именно господствовалъ этотъ церковный взглядъ, дѣ-

лавшій цѣломудріе обязательнымъ для обоихъ половъ. Разсужденія графа Толстаго о цѣломудріи представляютъ собою лишь блѣдное и искаженное отраженіе этихъ воззрѣній—и вотъ почему и здѣсь, растерявъ всѣ начала и концы, онъ впадаетъ въ ошибки, въ противорѣчія и проповѣдуетъ цѣломудріе только какъ условіе нравственнаго комфорта и физической гигіены, вотъ почему и здѣсь онъ снова хочетъ наложить на людей бремена тяжкія и неудобоносимыя....

VII.

Весь ужасъ религіозно-философскаго ученія графа Толстаго, еслибы въ это ученіе повѣрили люди и приняли его, заключается въ томъ, что оно ставитъ людей въ безвыходное положеніе. Отрывая строгую христіанскую мораль отъ ученія о личномъ Богѣ, отъ ученія объ искупительной жертвѣ Спасителя, онъ подчиняетъ людей какому-то слѣпому року, который называетъ закономъ жизни. Отступленіе отъ этого закона, или *грѣхъ*, говоря на языкѣ христіанства, по ученію графа Толстаго, уже непоправимъ, ибо понятіе о *покаяніи*, объ искупленіи грѣха имъ отринуто. Такъ думаетъ и его Познышевъ. Онъ убѣжденъ что разъ женившись, будучи уже не цѣломудреннымъ, онъ тѣмъ самымъ, роковымъ образомъ, былъ осужденъ на все послѣдующее. Но тутъ-то и ошибка. Все можно и должно было поправить *покаяніемъ* и ис-

купленіемъ грѣха своей юности. Тогда бы онъ вступилъ въ бракъ человѣкомъ чистымъ и очищеннымъ— съ инымъ душевнымъ настроеніемъ. И это-то иное душевное настроеніе, плодъ покаянія и искупленія грѣха, спасло бы его. Не въ грѣхѣ юности Познышева все дѣло, какъ онъ думаетъ, а въ нераскаянности его. Благодаря этой нераскаянности онъ и въ бракъ вноситъ то же свое настроеніе, которое привело его къ грѣху; благодаря этой нераскаянности онъ оскверняетъ бракъ, ставя средство на мѣсто цѣли, сводя весь смыслъ брака на плотское наслажденіе. И уже когда все совершилось, когда дѣло кончилось убійствомъ, душа его остается мертвою, въ ней не пробуждается раскаянія ведущаго къ покаянію и искупленію; онъ мучится, это правда, но лишь вслѣдствіе «злыхъ сожалѣній разсудка», который, не регулируемый чувствомъ нравственнымъ, приводитъ его къ отрицанію брака, какъ дѣла противуестественнаго. Душа его какъ была, такъ и остается мертвою. Онъ думаетъ о томъ, что между нимъ и его женой не было духовнаго единенія, но не отдаетъ себѣ отчета въ чемъ же должно заключаться это единеніе, гдѣ почва, на которой оно возможно?

Почвы для такого единенія не указываетъ и самъ графъ Толстой. Онъ понимаетъ, что всѣ эти толки объ «единеніи» на почвѣ «общихъ интересовъ» представляемыхъ наукой, искусствомъ, литературой совершенный вздоръ, но не указываетъ никакой иной

почвы. Вѣдь это только наши «критики» и «публицисты» способны еще болтать объ «единеніи» «на почвѣ взаимной образованности», какъ выразился одинъ изъ нихъ. Не говоря уже о томъ что, такимъ образомъ, выборомъ въ бракѣ должно руководить уже не чувство, а «взаимная образованность», но и вообще какое же это «единеніе» возможно на почвѣ науки, искусства, литературы? Пожалуй, «единеніе» между знакомыми, друзьями, но никакъ не между мужемъ и женой, которыхъ жизнь сливается въ одно. При такомъ сліяніи «единеніе» возможно на почвѣ того «чѣмъ люди живы», а уже, конечно, «люди живы» не наукой, не искусствомъ, не литературой, уже конечно, *духовное* единеніе между мужемъ и женой, духовная связь семьи держится не этимъ.

Христіанская идея брака просто, ясно, возвышенно разрѣшаетъ и этотъ вопросъ. Духовное единеніе между мужемъ и женой заключается въ единствѣ христіанскаго подвига, который они принимаютъ на себя вступая въ бракъ, въ единствѣ идеала, въ обоюдной поддержкѣ и помощи на трудномъ тернистомъ пути нравственнаго усовершенствованія, освобожденія въ себѣ духовнаго человѣка, въ единствѣ принятой на себя обязанности: воспитать по христіански дѣтей своихъ. Но такое духовное единеніе возможно только при взглядѣ на бракъ какъ на таинство, а слѣдовательно лишь въ оградѣ Церкви Христовой. Всякій бракъ внѣ этой ограды, на какомъ бы идеальномъ

чувствѣ онъ ни былъ основанъ, если можетъ быть проченъ, то лишь случайно, благодаря тому или иному совпаденію обстоятельствъ; объективнаго же залога прочности онъ въ себѣ не имѣетъ и имѣть не можетъ.

VIII.

Это само собою понятно. Все идеальное въ жизни, въ томъ числѣ и идеальная любовь, есть лишь отображеніе здѣсь, на землѣ, тамошняго, не здѣшняго, небеснаго. Вотъ почему и идеальная любовь, разъ она, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ, противоестественно оторвана отъ своего божественнаго источника, не только не можетъ служить залогомъ прочности брака, а напротивъ, большею частью и создаетъ трагическія коллизіи. Примѣровъ тому много можно найти въ всемірной художественной литературѣ, а такъ же и въ жизни, особенно въ наше время, когда, «вѣяніями времени» вѣра въ Ликъ Христовъ вытравлена изъ многихъ душъ возвышенныхъ и благородныхъ И у такихъ то людей, идеальные запросы, живущіе въ ихъ душѣ, но не находящіе удовлетворенія ни въ чемъ земномъ, ввергаютъ ихъ въ замкнутый кругъ протеста безъ основы, страданій безъ исхода, жажды безъ удовлетворенія; у такихъ то людей часто самые идеальные запросы души, отражаются преступными безуміями или мрачнымъ отчаяніемъ и безъисходнымъ

пессимизмомъ; у такихъ то людей самая возвышенная и идеальная любовь часто создаетъ для нихъ лишь безъисходную трагическую коллизію...

Вотъ почему, только въ бракѣ, понимаемомъ и принимаемомъ *какъ таинство*, идеальная любовь находитъ для себя исходы и удовлетвореніе, возможность дальнѣйшаго развитія; и, наоборотъ, даже любовь грубая, чувственная, въ бракѣ, принимаемомъ какъ таинство, невольно находитъ для себя ограниченіе, возможность очиститься, и одухотвотвориться, возвыситься до достоинства любви идеальной.

Такое значеніе брака когда то понималъ, или, лучше сказать, смутно прозрѣвалъ и самъ графъ Толстой. Припомните тѣ прекрасныя страницы въ *Аннѣ Корениной*, гдѣ описывается свадьба Левина, его предбрачная исповѣдь, тѣ впечатлѣнія, которыя вызываетъ въ душѣ его сомнѣвающейся и плохо вѣрующей прекрасный, трогательный и возвышенный обрядъ вѣнчанія. Перечтите эти прекрасныя главы въ *Аннѣ Корениной*, я же, для поясненія моихъ мыслей приведу лишь нѣкоторыя отрывки.

..... «Молились, какъ и всегда, о вышнемъ мирѣ и спасеніи, о Синодѣ и Государѣ, молились и о нынѣ обручающихся рабѣ Божіемъ Константинѣ и Екатеринѣ.

«О еже ниспослати имъ любви совершеннѣй, мирнѣй и помощи, Господу помолимся» какъ бы дышала вся церковь голосомъ протодьякона.

«Левинъ слушалъ слова и они поражали его». «Какъ они догадались, что помощи, именно помощи»? думалъ онъ, вспоминая всѣ свои недавнія страхи и сомнѣнія. «Что я знаю, что я могу въ этомъ страшномъ дѣлѣ» думалъ онъ, «безъ помощи? Именно, помощи мнѣ нужно теперь».

И, прислушиваясь все дальше и дальше къ словамъ, которыя читали и произносили священнослужители «Левинъ чувствовалъ все болѣе и болѣе, что всѣ его мысли о женидьбѣ, его мечты о томъ, какъ онъ устроитъ свою жизнь, что все это было ребячество».

Такъ чувствовалъ плохо вѣрующій Левинъ. Онъ чувствовалъ такъ потому, что дѣйствительно любилъ любовью идеальною; онъ почувствовалъ, что эта идеальная любовь находитъ свое полнѣйшее и осмысленное выраженіе въ томъ таинствѣ, которое надъ нимъ совершаютъ.

IX.

Не стоило бы говорить о тѣхъ даже до смѣшнаго ожесточенныхъ нападкахъ на локоны, на джерси, на женскіе наряды, на женское кокетство и проч., которыя мы встрѣчаемъ въ *Крейцеровой Сонатѣ*. Но одна черта во всемъ этомъ очень знаменательна. Эта черта характеризуетъ всѣ доктринерскія ученія, характеризуетъ она и ученіе графа Толстаго. Первое и главное стремленіе всѣхъ доктринеровъ, въ томъ

числѣ и графа Толстаго, — измѣнить формы быта, формы жизни; откуда-то возникаетъ безумная увѣренность, что съ измѣненіемъ формъ измѣнится и содержаніе. Но не въ формахъ дѣло. Христіанство, напримѣръ, явившись въ міръ, не возставало даже противъ языческихъ формъ жизни, не требовало ихъ ломки и уничтоженія, но одухотворило ихъ собою, влило въ нихъ иное содержаніе. Дѣло не въ фактѣ, а въ отношеніи къ факту. Можно во всякомъ положеніи, начиная отъ Царя до нищаго, быть христіаниномъ и оставаться имъ, относясь по-христіански къ своему положенію и къ обязанностямъ, которыя оно налагаетъ на человѣка. Христіанство говорило господину: обращайся по-христіански со своимъ рабомъ, и оно же поучало раба: переноси по-христіански свое рабство. Христіанство говоритъ богатому: пользуйся по-христіански своимъ богатствомъ; оно же научаетъ бѣднаго: переноси по-христіански свою бѣдность. Въ этомъ и ни въ чемъ иномъ, кстати сказать, залогъ возможнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса, а никакъ не въ ломкѣ формъ жизни, которая ничего разрѣшить не можетъ. Формы, не могущія проникнуться духомъ христіанскимъ, сами собою отпадутъ, если этотъ духъ проникнетъ въ жизнь и одухотворитъ ее.

Этою доктринерскою чертой, полагающей всю силу въ формахъ, объясняется и столь трагическое отношеніе какъ героя, такъ и автора *Крейцеровой Со-*

наты къ джерси, локонамъ и прочему, какъ будто въ этихъ джерси и локонахъ именно и таится погибель. У меня вовсе нѣтъ охоты защищать джерси, локоны и т. п.; напротивъ, я охотно отдаю все это на растерзаніе графу Толстому и герою его повѣсти. Я хочу только сказать, что дѣло вовсе не въ модныхъ нарядахъ, которые носятъ женщины, а въ *отношеніи* ихъ къ этимъ моднымъ нарядамъ.

Это, между прочимъ, хорошо понималъ и хорошо выразилъ еще Отелло, тоже изъ ревности убившій свою жену. Когда Яго, нашептывая на Дездемону, упомянулъ о «локонахъ», «джерси» и т. п., вотъ что отвѣтилъ ему Отелло, чутьемъ своей высокой и благородной души, сразу понявшій въ чемъ дѣло:

Зови меня козломъ,
Когда займу я дѣятелькость сердца
Ничтожными догадками такими
Какія я въ твоихъ намекахъ встрѣтилъ.
Пусть говорятъ, что у меня жена
И хороша, и любитъ наряжаться,
И выѣзжать, и бойко говорить,
И хорошо поетъ, играетъ, пляшетъ—
Ревнивымъ я отъ этого не стану.
Когда въ душѣ есть добродѣтель—всѣ
Наклонности такія непорочны...

Этимъ совершенно разрѣшается «вопросъ» о «локонахъ» и «джерси». Да и самъ графъ Толстой прежде именно такъ смотрѣлъ на дѣло. Припомнимъ хотя бы

описаніе перваго бала Наташи Ростовой въ *Войнѣ и Мирѣ* или Китти Щербацкой въ *Аннѣ Карениной*. Прекрасное, правдивое изображеніе душевнаго состоянія этихъ дѣвицъ предъ баломъ и во время бала совершенно подтверждаетъ мысль Отелло о томъ, что «когда въ душѣ есть добродѣтель» — всѣ «наклонности такія непорочны», и что «локоны» и «джерси» не всегда же играютъ ту роль какую приписываютъ имъ графъ Толстой и герой его повѣсти.

X.

Содержаніе *Крейцеровой Сонаты* очень просто и тѣмъ труднѣе передать его въ пересказѣ. Въ повѣсти этой, какъ въ большей части произведеній графа Толстаго, почти нѣтъ фабулы. Разсказъ ведется отъ лица. Убійца своей жены, Познышевъ, оправданный судомъ, разсказываетъ свою исторію: какъ онъ женился, какъ жилъ, какъ дошелъ до преступленія. Онъ влюбился въ молодую дѣвушку, свою будущую жену, и считалъ свою любовь «идеальною». Но вскорѣ послѣ брака оказалось что это не такъ, что, въ сущности, ничего «идеальнаго» не было, а просто онъ увлекся «локонами» и «джерси». Когда первый пылъ страсти улегся, когда оказалось, что духовнаго единенія между мужемъ и женой нѣтъ, начались семейныя ссоры, повторявшіяся изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ. Дѣло доходило до того, что онъ иногда помы-

шлялъ о самоубійствѣ, а она и дѣйствительно покушалась отравиться. Наконецъ, вся путаница семейной жизни Познышева разрѣшилась тѣмъ, что онъ приревновалъ жену къ музыканту Трухачевскому, съ которымъ она разыгрывала Крейцерову сонату, и, въ порывѣ ревности, убилъ ее.

Такова фабула *Крецеровой Сонаты*. Какъ я уже замѣтилъ въ началѣ этой статьи, Познышевъ, въ смыслѣ типа, представляетъ собою всего только сколокъ съ Левина. Это одинъ и тотъ же характеръ, одинъ и тотъ же темпераментъ. Но Познышевъ гораздо вульгарнѣе Левина, гораздо ограниченнѣе его, не имѣетъ ни его ума, ни его идеальныхъ запросовъ, ни его идеальныхъ стремленій. Это — вульгаризованный Левинъ. Но, отмѣтивъ эту черту, рѣзко отдѣляющую Познышева отъ Левина, во всемъ остальномъ мы найдемъ сходство поразительное, даже до подробностей, будто прямо перенесенныхъ изъ романа въ повѣсть, и въ повѣсти изложенныхъ уже не пространно, а какъ бы въ сжатомъ конспектѣ.

Мечты Познышева передъ свадьбой, идеальныя мечты объ «идеальной» любви, тѣ же самыя какъ и у Левина—но Познышевъ вскорѣ убѣждается, что «идеальнаго» ничего не было, а Левинъ такъ и остается при томъ что̀—было. Такъ же точно какъ Левинъ, и Познышевъ приноситъ своей невѣстѣ передъ свадьбой своей дневникъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится о его связяхъ съ женщинами до брака—

и невѣста Познышева, такъ же точно какъ и Китти, ужасается и плачетъ. Семейныя ссоры Познышева съ женой поразительно напоминаютъ такія же ссоры между Левинымъ и Китти, только въ *Крейцеровой Сонатѣ* этимъ ссорамъ приданъ болѣе вульгарный, рѣзкій и грубый колоритъ, что̀ понятно, такъ какъ Познышевъ и есть вульгаризованный Левинъ. Сцены ревности по поводу появившагося въ домѣ Познышевыхъ музыканта Трухачевскаго какъ бы буквально воспроизведены со сценъ ревности описанныхъ въ *Аннѣ Карениной* и происходившихъ по поводу появленія въ домѣ Левина Васеньки Весловскаго. Но только въ *Крейцеровой Сонатѣ* дѣло кончается убійствомъ, а въ *Аннѣ Карениной* болѣе мирнымъ и комичнымъ эпизодомъ изгнанія Васеньки Весловскаго изъ дома Левиныхъ.

Чѣмъ же является исторія Познышева? Да только всего исключительнымъ случаемъ, если даже и признать, что типъ Познышева довольно распространенный. Дѣйствительно, въ самой повѣсти, сцены ревности, убійства, сцена послѣ убійства, написаны съ большою силой и глубиной, но причины приведшія Познышева къ такой ревности не объяснены, а прямо утверждаются какъ причины общія и имѣющія мѣсто въ большей части браковъ.

Съ графомъ Толстымъ случилось именно то что̀ часто случается съ даровитыми художниками. Его повѣсть доказываетъ вовсе не то, что онъ хотѣлъ

доказать, и даже совершенно обратное. Она доказываетъ не то, что «старая основа», то есть признаніе брака таинствомъ, «износилась», и что ее надо замѣнить новою, а именно то, что отступленіе отъ этого стараго и вѣчнаго идеала часто ведетъ къ гибели и преступленію и всегда къ общественному неустройству, къ семейной неурядицѣ, къ одной изъ двухъ нелѣпостей: либо къ проповѣди «свободы чувствъ», либо къ отрицанію брака, какъ явленія противуестественнаго. Христіанство подняло идею брака на такую высоту, дальше которой уже некуда идти; оно возвело бракъ до степени *таинства.* И отрицаніе этого идеала, непониманіе и непризнаніе его доказываютъ лишь, что среди нашего такъ называемаго образованнаго общества уровень идеальныхъ запросовъ понизился, стремленіе въ идеалу ослабѣло, а самые идеалы оскудѣваютъ и мельчаютъ...

III.

„ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“ *).

I.

О художественныхъ достоинствахъ новаго произведенія графа Л. Н. Толстаго не зачѣмъ много распространяться. Оно является просто милымъ капризомъ автора *Войны и Мира* и *Анны Карениной*.

Вздумалось ему пошутить, написалъ легкую комедію граничащую съ водевилемъ—и онъ написалъ ее превосходно: живо, весело, остроумно—и умно. На сценѣ, при хорошемъ исполненіи, она, конечно, еще выиграетъ, такъ какъ комедія графа Толстаго обладаетъ и достоинствомъ сценичности, что̀ можно замѣтить уже при чтеніи ея.

Но—таково свойство истиннаго таланта — и въ

---

*) Подробное изложеніе содержанія *Плодовъ просвѣщенія* читатели найдутъ въ помѣщенномъ ниже *Приложеніи*.

легкой шуткѣ онъ сумѣетъ задѣть, выставить ярко и освѣтить особымъ свѣтомъ вопросы важные; не прибѣгая къ разсужденіямъ, одними созданными имъ образами, онъ сумѣетъ вскрыть смыслъ какой-нибудь общественной болѣзни лучше, нежели то можно сдѣлать посредствомъ какихъ бы то ни было разсужденій.

Тѣхъ явленій которыя затронуты графомъ Толстымъ въ его комедіи онъ касался раньше, еще въ *Аннѣ Карениной*—и уже серіозно, а не въ формѣ легкой шутки. Уже въ *Аннѣ Карениной* онъ выставилъ «пустоту и праздность нашей жизни», о которой говорилъ еще Гоголь, и возникающее на почвѣ этой «пустоты и праздности» ненормальныя явленія. Уже въ *Аннѣ Карениной* имъ были показаны смыслъ и причины тѣхъ увлеченій редстокизмомъ ли, пашковшиной ли, спирятизмомъ лии т. д., которыя возникли именно на почвѣ «пустотыи праздности жизни».

Всѣмъ, конечно, памятны эти типичныя лица свѣтскаго общества, выведенныя въ *Аннѣ Карениной*, которымъ «вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая» жизнь ихъ не дастъ «очнуться». Это именно та «слѣпая жизнь» о которой съ такимъ ужасомъ говорилъ Гоголь — «жизнь при бальномъ сіяніи, при фракахъ, при сплетняхъ, при визитныхъ билетахъ», какъ выразился онъ; жизнь, «пустота и безсмысленная праздность» которой, по его же слову, «смѣ-

няется мутною, ничего не говорящею смертью» — словомъ, «жизнь безъ подпоры прочной».

На почвѣ подобной жизни создаются и такіе уродливые типы какъ памятная, конечно, всѣмъ графиня Лидія Ивановна изъ *Анны Карениной*. Свою праздную, пустую душу она обращаетъ отъ баловъ и «бальнаго сіянія» еще къ иному, но столь же праздному и пустому. Нѣсколько строкъ посвященныхъ графомъ Толстымъ графинѣ Лидіи Ивановнѣ гораздо лучше объясняютъ смыслъ всѣхъ свѣтскихъ увлеченій редстокизмомъ, спиритизмомъ, піетизмомъ и т. п. нежели длиннѣйшія рмзсужденія. «Графиня Лидія Ивановна давно уже перестала быть влюбленною въ мужа», читаемъ мы въ *Аннѣ Карениной*, «но никогда съ тѣхъ поръ не переставала быть влюбленною въ кого-нибудь. Она была влюблена въ нѣсколькихъ вдругъ, и въ мущинъ, и въ женщинъ; она бывала влюблена во всѣхъ почти людей чѣмъ-нибудь выдающихся. Она была влюблена во всѣхъ новыхъ принцессъ и принцевъ, вступающихъ въ родство съ Царскою Фамиліей, была влюблена въ одного митрополита, въ одного викарнаго, въ одного священника. Была влюблена въ одного журналиста, въ трехъ Славянъ и въ Комисарова; въ одного министра, одного доктора, одного англійскаго миссіонера, и въ Каренина».

Понятнымъ дѣлается какъ шарлатанъ Landau сдѣлалъ ее спириткой, а какой-нибудь англійскій миссіонеръ — піетисткой. Піетизмъ давалъ исходъ ея чув-

ствительности и оправдывалъ ея черствость. Піетизмъ поощрялъ ея сентиментальность, давая этому суррогату чувства какъ бы высшее освященіе.

И вотъ эта-то графиня Лидія Ивановна подчиняетъ себѣ Каренина, вводитъ и его въ кругъ своихъ бредней. «Пустота жизни» отражается тутъ еще другою своею стороной. Каренинъ, высшій чиновникъ, вѣчно занятой, у котораго время разчитано по часамъ и чуть только не по минутамъ, тѣмъ не менѣе, является жертвой все той же «пустоты жизни». Какъ экзотическое растеніе выгнанное въ теплицѣ, онъ не выдерживаетъ первой же жизненной грозы. Измѣна жены, неудачи по службѣ, надламливаютъ его, и ему нечего противопоставить той дѣйствительности съ которою онъ сталкивается въ первый разъ не формально, не какъ чиновникъ, а какъ человѣкъ. Обременивъ свой умъ всевозможными познаніями, онъ въ то же время, опустошилъ свою душу, и въ этой опустошенной душѣ онъ не нашелъ уже ничего что̀ можно было бы противопоставить обрушившемуся на него несчастію. Онъ изсушилъ въ этой душѣ источникъ живой вѣры, живой любви, живаго духовнаго общенія со своимъ народомъ — и его жизнь оказалась точно такъ же «жизнью безъ подпоры прочной». И вотъ эта-то душевная пустота, къ которой онъ пришелъ инымъ путемъ, конечно, чѣмъ, напримѣръ, графиня Лидія Ивановна, — эта-то душевная пустота создаетъ почву для увлеченій спиритизмомъ,

піетизмомъ и т. п. Какъ въ комедіи графа Толстаго его Звѣздинцевъ отдаетъ вопросъ о продажѣ земли мужикамъ на разрѣшеніе духовъ, что̀ выходитъ только забавно, такъ Каренинъ отдаетъ вопросъ о судьбѣ своей жены и своего сына на разрѣшеніе шарлатана Landau—что̀ выходитъ уже ужасно. И здѣсь, снова и снова видимъ мы, что эта «пустота жизни» и пустота душевная есть результатъ *ложнаго просвѣщенія*, результатъ того, что наше общество восприняло и воспринимаетъ европейскую цивилизацію *въ потемкахъ*, внѣ свѣта *своего* просвѣщенія.

Не лишнемъ будетъ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ *Дневника Писателя* Достоевскаго, относящихся именно къ этому вопросу.

«Кстати, многіе смѣются совпаденію появленія обѣихъ сектъ у насъ въ одно время: штунды въ черномъ народѣ и Редстокистовъ въ самомъ изящномъ обществѣ нашемъ», — писалъ онъ — «между тѣмъ, тутъ много и не смѣшнаго. Что же до совпаденія въ появленіи двухъ нашихъ новыхъ сектъ, то уже, безъ сомнѣнія, онѣ вышли изъ одного и того же невѣжества, то-есть изъ совершеннаго незнанія своей религіи».

Надо прибавить что въ тѣхъ людяхъ изъ народа которые соблазняются сектантствомъ, незнаніе своей религіи происходитъ отъ «темноты» ихъ; въ обществѣ же образованномъ къ незнанію прибавляется еще пренебреженіе къ своей религіи, то есть къ тому чего не знаютъ...

II.

Въ комедіи показано, въ сущности, то же самое, но уже въ формѣ легкой и шутливой. Это, конечно, легкая сатира противъ тѣхъ же, такъ сказать, рабовъ цивилизаціи. Самое заглавіе комедіи: *Плоды просвѣщенія* несомнѣнно надо понимать какъ иронію; еслибы дать комедіи заглавіе прямо выражающее ея смыслъ, то ее скорѣе можно было бы назвать: *Плоды невѣжества*. Дѣйствительно, всѣ «интеллигентныя» дѣйствующія лица ея, не смотря на свое «образованіе», являются представителями невѣжества, а между ними главный—это, конечно, «ученый невѣжда»—Кругосвѣтловъ.

Это типъ самый интересный во всей комедіи. Онъ схваченъ очень живо, изображанъ очень ярко. Онъ тѣмъ болѣе значителенъ и нтересенъ что это типъ очень распространенный въ нашей современности. «Ученыхъ» съ весьма ограниченнымъ умомъ, рѣшительно неспособнымъ къ наукѣ, развелось теперь у насъ довольно много. Мѣткая характеристика подобныхъ «ученыхъ» давно уже сдѣлана Пушкинымъ: «Ученый безъ дарованія», читаемъ мы у него, «подобенъ тому муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, желая проникнуться духомъ пророка». Таковъ и Кругосвѣтловъ. Онъ «изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ», но не проникся духомъ науки. Для него наука—въ

послѣдней прочтенной имъ книжкѣ. Онъ вѣритъ въ «послѣднія слова науки», какъ мусульманинъ въ Алкоранъ. Онъ уже конечно матеріалистъ и здѣсь столь твердъ и столь самодоволенъ что ничто не можемъ сбить его съ позиціи. Онъ, подобно мольеровскому доктору перемѣшавшему печень съ сердцемъ, скорѣе готовъ сказать «nous avons changé tout cela» нежели признать свою ошибку и погрѣшимость своихъ теорій. И дѣйствительно, когда оказывается что всѣ спиритическія явленія, которыя онъ объясняетъ «механически» посредствомъ выдуманнаго имъ особаго, уже духовнаго эѳира,—когда всѣ эти спиритическія явленія оказываются всего только результатомъ шутокъ и плутней проворной горничной Тани, онъ нимало не смущается. Глубокимъ комизмомъ дышетъ его монологъ, когда онъ съ самодовольною снисходительностью объясняетъ Аннѣ Павловнѣ что наука не можетъ ошибаться, несмотря ни на какія шутки Тани. Глубокимъ комизмомъ дышетъ и его лекція о спиритизмѣ, которую онъ читаетъ предъ сеансомъ... и тѣмъ не менѣе эта лекція представляетъ собою какъ бы нѣсколько страницъ выхваченныхъ изъ иного современнаго «ученаго» сочиненія. А это уже всего обиднѣе.

По роли которую графъ Толстой далъ въ коменіи профессору Кругосвѣтлову, онъ долженъ былъ сдѣлать его спиритомъ — и это очень досадно. Для читателей непроницательныхъ этою чертой приданною

Кругосвѣтлову нѣсколько затемняется типъ. Могутъ сказать ссылаясь на эту черту, что это лицо исключительное, что оно не можетъ представлять собою типичнаго современнаго «ученаго» изъ разряда тѣхъ о которыхъ мы говорили выше. Но это не такъ. Спиритизмъ Кругосвѣтлова тутъ ни при чемъ: онъ можетъ быть и не быть спиритомъ, это все равно и дѣла не мѣняетъ. Между прочимъ, въ *Аннѣ Карениной* графомъ Толстымъ выведенъ подобный же типъ «ученаго», но уже не спирита, въ лицѣ пріятеля Левина, профессора Катовасова. Здѣсь то же самодовольство, та же умственная ограниченность и, вслѣдствіе ея, та же вѣра въ послѣднюю книжку и въ такъ называемыя «послѣднія слова науки». Разница лишь въ томъ что Катовасовъ добродушнѣе и проще «перекрахмаленнаго» Кругосвѣтлова, а потому и симпатичнѣе. Но взгляды у нихъ одинаковые, и оба они, утвердившись на «атомахъ» и «молекулахъ», на «біологіи» и «соціологіи», подобно диккенсовскому герою, всѣ самые сложные вопросы о мірѣ и жизни, съ чрезвычайною легкостью и тупою самоувѣренностью «перебрасываютъ правою рукой черезъ лѣвое плечо». Достоевскій, въ своей статьѣ о восьмой части *Анны Карениной*, написалъ, между прочимъ, строчки двѣ и о Катовасовѣ. По поводу одного спора его съ Левинымъ, Достоевскій замѣчаетъ: «Съ его умомъ, Левинъ могъ бы догадаться что Катовасовъ дурачекъ, что Катовасовыхъ вездѣ найдешь»...

Дѣйствительно, «вездѣ найдешь», но особенно плохо то, что Катовасовы и Кругосвѣтловы, благодаря прикрѣпленному къ нимъ ярлыку, возвѣщающему о ихъ «учености», импонируютъ наивной «интеллигентной» толпѣ своимъ нищенски - ничтожнымъ міросозерцаніемъ...

Остальная «образованая» компанія выведенная въ комедіи графа Толстаго распадается, такъ-сказать, на два лагеря. Одни, какъ Кругосвѣтловъ, какъ Звѣздинцевъ, наполняютъ пустоту своей жизни спиритизмомъ, другіе, какъ Анна Павловна, какъ Бетси, какъ ея братъ, какъ молодые люди, его пріятели— все молодые люди съ «высшимъ образованіемъ»— наполняютъ эту пустоту балами, выѣздами, ѣдой, питьемъ, пѣніемъ скабрезныхъ шансонетокъ и разыгрываніемъ скабрезныхъ «шарадъ». Конечно, это не все общество, это одинъ уголокъ общества, но, быть-можетъ, уголокъ болѣе значительный чѣмъ хотѣлось бы думать. И если внимательно вдуматься въ легкую и веселую комедію графа Толстаго, то, пожалуй, станетъ не до смѣху и улыбка застынетъ на губахъ. Въ жизни изображенной графомъ Толстымъ поражаетъ отсутствіе какого бы то ни было содержанія, отсутствіе даже намека на что-нибудь *духовное*, на какую бы то ни было душевную жизнь. Здѣсь все плоть, начиная отъ самыхъ грубыхъ ея проявленій и кончая болѣе утонченными; здѣсь вся жизнь построена на предразсудкахъ, гораздо худшихъ и го-

раздо болѣе вредныхъ нежели простонародные предразсудки, противъ которыхъ такъ возстаютъ, ради истребленія которыхъ готовы не пощадить и самыхъ чистыхъ и святыхъ идеаловъ народныхъ, если они случайно заключены въ скорлупу предразсудка. Но развѣ только жизнь общества подобнаго тому какое изображено въ комедіи графа Толстаго исполнена предразсудковъ? Совсѣмъ нѣтъ. Вольмите наше «интеллигентное» общество вообще — и вы увидите въ его жизни множество «интеллигентныхъ» предразсудковъ, которые, однако, именно и считаются признакомъ «просвѣщенаго образа мыслей», и противъ которыхъ никто не возстаетъ...

III.

Въ своей комедіи графъ Толстой употребилъ довольно обычный пріемъ для того, чтобы сильнѣе оттѣнить изображенную или «образованную» компанію. Онъ противопоставляетъ своимъ «интеллигентамъ» людей изъ простонародья, въ лицѣ прислуги, живущей въ домѣ Звѣздинцева, а также трехъ мужиковъ пріѣхавшихъ изъ Курской губерніи, чтобы купить землю. Если выкинуть изъ счета лакея Григорія, «красавца собою, развратнаго, завистливаго и смѣлаго», по опредѣленію автора, и притомъ тронутаго «цивилизаціей» — то и нравственный, и умственный перевѣсъ окажется на сторонѣ простонародной компаніи.

И три мужика, и горничная Таня, и кухарка, и камердинеръ Өедоръ Ивановичъ оказываются и благоразумнѣе, и умнѣе, и смѣтливѣе своихъ господъ. У нихъ нѣтъ той душевной пустоты которую находимъ у «интеллигентовъ» выведенныхъ въ комедіи графа Толстаго. Они знаютъ чѣмъ живутъ и для чего живутъ; они если не все дѣлаютъ, по винѣ слабости человѣческой, то все хотятъ дѣлать «по Божески». Такъ, горничная Таня выходя замужъ по любви за буфетнаго мужика Семена, — выходитъ замужъ съ тѣмъ, чтобы уѣхать съ мужемъ въ деревню, сѣсть на хозяйство, завести семью и «жить по-Божески». Выходя замужъ, она хочетъ «законъ принять». Она смотритъ на бракъ какъ на таинство. Барышня же Бетси просто-напросто ловитъ богатаго жениха, который отъ нея отлыниваетъ, въ бракѣ видитъ лишь удовлетвореніе чувственности да продолженіе той же веселой, «вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущей» жизни, которую она ведетъ и будучи дѣвушкой,—но еще болѣе веселой, еще болѣе свободной. Вотъ теперь мать запрещаетъ ей надѣть слишкомъ уже свободный костюмъ, въ которомъ она должна исполнить роль дикарки въ «шарадѣ», а когда она будетъ «дамой», то никто ничего ей запретить уже не можетъ.

Контрастъ, конечно, рѣзкій.

Но подобные контрасты, въ одно и то же время, и вѣрны и не вѣрны, и справедливы и несправедливы, смотря по тому какъ поставлено дѣло. У графа

Толстаго дѣло поставлено такъ, что совершенно отрицательнымъ типамъ «интеллигенція» противопоставляются болѣе или менѣе положительные типы народные. Это несправедливо. Несомнѣнно, и въ народѣ есть шалопаи, празднолюбцы, лѣнтяи, люди пустые и ничтожные. Несомнѣнно, и среди образованнаго общества можно найти барышню по нравственному складу похожую на Таню и, наоборотъ, въ народѣ можно найти дѣвушку, по нравственному складу похожую на Бетси.

Вотъ почему дѣло тутъ не въ порокахъ и добродѣтеляхъ того или другаго лица изъ народа и изъ «интеллигенціи», а въ общемъ настроеніи мысли и чувства въ народѣ и въ «интеллигенціи». Въ этомъ то и будетъ контрастъ. Этотъ контрастъ, конечно, можно отчасти замѣтить и въ картинѣ, нарисованной графомъ Толстымъ, но онъ затемняется именно тѣмъ, что для сравненія взято съ одной стороны все лично хорошее, а съ другой—все лично дурное. Чтобы контрастъ выступилъ ярко и во всемъ своемъ значеніи надо было взять дѣло шире, надо было или сравнивать вообще народъ съ «интеллигенціей», или по крайне мѣрѣ, оставаясь въ тѣхъ же рамкахъ комедіи, противопоставить благообразные, такъ-сказать типы изъ народа, благообразнымъ же типамъ изъ «интеллигенціи».

Я говорю именно *типы*, а не исключительныя личности. Несомнѣнно, и теперь среди образованнаго

общества можно найти отдѣльныя, лица которыя проникнуты міросозерцаніемъ народнымъ; вѣроятно и теперь среди интеллигенціи можно найти Тургеневскую Лизу, но это будутъ исключенія. Общее настроеніе интеллигенціи несомнѣнно не совпадаетъ съ общимъ же настроеніемъ народа. И таже Таня въ «интеллигентной» средѣ, оставаясь при тѣхъ же своихъ личныхъ достоинствахъ, имѣла бы уже иное настроеніе. Она бы уже смотрѣла, напримѣръ, на бракъ не такъ какъ смотритъ Таня, выведенная въ комедіи графа Толстаго, а иначе, и именно такъ какъ смотрятъ на него въ «интеллигентной» средѣ вообще, то-есть уже не какъ на таинство, во всякомъ случаѣ. И точно такъ же Бетси, еслибъ она была крестьянкою дѣвушкой, сохраняя всѣ тѣ же свои пороки и недостатки, все тотъ же свой характеръ, имѣла бы иное настроеніе нежели Бетси-барышня. Она бы имѣла настроеніе то же самое какъ и Таня, она смотрѣла бы, напримѣръ, на бракъ точно такъ же какъ и Таня—и еслибы поступала вопреки этому взгляду и этому настроенію, то только вслѣдствіе своего дурнаго характера, вслѣдствіе своей дурной натуры. Эта разница въ *настроеніи* народа и образованнаго общества нашего происходитъ отъ очень ясной причины. Дѣло въ томъ, что народъ нашъ *въ общемъ*, не говоря объ исключеніяхъ, не оторвался отъ Церкви, и его міросозерцаніе есть міросозерцаніе церковное, поскольку онъ, въ темнотѣ своей, могъ усвоить это міросозерцаніе;

и наоборотъ, наше образованное общество, опять-таки *въ общемъ*, не говоря объ исключеніяхъ, оторвалось отъ Церкви и усвоило себѣ міросозерцаніе европейской образованности, по скольку, въ темнотѣ своей, могло усвоить это міросозерцаніе.

И если міросозерцаніе образованнаго общества *по степени развитія* выше міросозерцанія народнаго, то *по типу*, несомнѣнно, ниже.

Вотъ, кстати сказать, именно благодаря этой разницѣ настроеній всѣ попытки нашей «интеллигенціи» «слиться» съ народомъ не имѣли и не будутъ имѣть успѣха. Народъ и «интеллигенція» говорятъ на разныхъ языкахъ—и какъ же имъ можно столковаться? Вотъ почему въ высшей степени былъ правъ одинъ ораторъ который въ рѣчи своей, обращенной къ окончившимъ курсъ воспитанницамъ одного епархіальнаго училища, сказалъ: «только черезъ Церковь можете вы сойтись съ народомъ просто и свободно и войти въ его довѣріе». Тѣ же слова можно обратить и вообще къ нашей «интеллигенціи». У графа Толстаго этотъ контрастъ затемненъ, и смыслъ его не ясенъ. Мнѣ кажется этою неясностью въ комедіи отразился общій взглядъ его на это дѣло,—взглядъ въ комедіи, конечно, не высказанный, но высказанный въ другихъ его сочиненіяхъ.

И графъ Толстой, несомнѣнно, такъ же видитъ причину розни между народомъ и «интеллигенціей», причину обоюднаго непониманія въ различіи міросо-

зерцаній—но міросозерцаніе народное онъ объясняетъ формами крестьянскаго быта. Вотъ почему онъ думаетъ, что если измѣнить формы быта образованнаго общества, то тотчасъ же измѣнится и его міросозерцаніе. Въ этомъ глубокая ошибка графа Толстаго. Можно принять всѣ формы быта народнаго, можно жить въ избѣ, ходить въ зипунѣ, пахать землю и оставаться чуждымъ народу—чему примѣры мы видѣли въ иныхъ «интеллигентныхъ» попыткахъ «сближенія» съ народомъ. И наоборотъ, можно, оставаясь, скажемъ, помѣщикомъ, живя въ помѣщичьей усадьбѣ, во всѣхъ помѣщичьихъ формахъ быта, быть въ единеніи съ народомъ благодаря *единству настроенія*, чему, опять таки, есть примѣры. Контрастъ между народомъ и интеллигенціей не столько въ формахъ быта, какъ думаетъ графъ Толстой, сколько въ настроеніи. А измѣнится въ образованномъ обществѣ *настроеніе*—и въ формахъ быта его само собою отпадетъ все то, что̀ не будетъ соотвѣтствовать этому новому настроенію...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отчетъ о благотворительномъ спектаклѣ, состоявшемся въ Тулѣ *.

Въ воскресенье, 15 апрѣля, въ городѣ Тулѣ состоялся спектакль, сборъ съ котораго предназначается на усиленіе средствъ Тульскаго пріюта для исправленія малолѣтнихъ, впавшихъ въ преступленіе. Мысль организовать въ Тулѣ такого рода колонію принадлежитъ прокурору Тульскаго окружнаго суда Н. В. Давыдову, который и принялъ на себя всѣ хлопоты по устройству вечера. Для вышесказаннаго спектакля была выбрана новая четырехъактная комедія Л. Н. Толстаго *Плоды просвѣщенія.*

Вотъ имена дѣйствующихъ лицъ и исполнителей:

Леонидъ Ѳедоровичъ *Звѣздинцевъ*, отставной поручикъ гвардіи (Лопухинъ). Анна Павловна *Звѣздинцева,* его жена (Е. М. Давыдова). *Бетси*, ихъ дочь (Т. Н. Толстая). Василій Леонидовичъ *Звѣздинцевъ*, ихъ сынъ; кандидатъ юридическихъ наукъ, безъ опредѣленныхъ занятій (Е. Д. Полонскій). *Марья Константиновна,* учительница музыки (Н. И. Ристіони).

Прислуга Звѣздинцевыхъ: *Ѳедоръ Ивановичъ*, камердинеръ (А. И. Александровскій), *Григорій*, лакей (Д. В. Грушецкій), *Таня*, горничная (О. Д. Леонова), *Яковъ*, буфетчикъ (А. М. Новиковъ), *Семенъ*, буфетный мужикъ (Д. П. Черноусовъ), *кучеръ* (М. В. Боборыкинъ), *людская кухарка* (В. А. Борисова), *швейцаръ* (И. А. Зарубинъ), *старый поваръ* (Н. А. Назаревскій).

---

* Отчетъ этотъ, такъ же какъ и предыдущіе статьи, былъ напечатанъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и перепечатанъ здѣсь съ разрѣшенія автора.

Сергѣй Ивановичъ *Сахатовъ*, важный баринъ (Боборыкинъ). Марья Васильевна *Толбухина*, важная дама (Н. И. Полонская). Алексѣй Владиміровичъ *Кругосвѣтловъ*, профессоръ (Л. А. Нагель). *Докторъ* (А. Н. Алексѣевъ 2-й). *Петрищевъ*, товарищъ молодаго Звѣздинцева (М. С. Сухотинъ). *Княгиня* (А. А. Боборыкина). *Княжна* (З. А. Мясново). *Графиня* (Е. А. Сытина). *Гросманъ*, профессіональный гипнотизаторъ (А. А. Ристіони). Баронъ *Клингенъ* (Коко), камеръ-юнкеръ (М. А. Стаховичъ). *Дама* (В. Д. Полонская). *Баринъ* (М. В. Боборыкинъ).

Лакей графини (А. Н. Тороповъ). *2-й лакей* (А. Н. Троицкій). *Артельщикъ* отъ Бурдье (Н. Н. Никитинъ). *1-й мужикъ*, бывшій волостной старшина, ходокъ (А. А. Ѳедотовъ). *2-й мужикъ* ходокъ (П. П. Румянцевъ). *3-й мужикъ* ходокъ (В. М. Лопатинъ).

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, въ домѣ Звѣздинцевыхъ, первые три акта въ тотъ же день, а четвертый на слѣдующій.

Театръ представляетъ переднюю богатаго барскаго дома. При поднятіи занавѣса, Григорій (лакей) охорашивается предъ зеркаломъ. Дѣло въ томъ, что онъ ухаживаетъ за горничною Таней, которая впрочемъ не отвѣчаетъ ему взаимностью, а любитъ буфетнаго мужика Семена. Между Таней и Григоріемъ происходятъ объясненія по поводу этой любви и заигрываніе Григорія, ревнующаго Таню къ Семену. На сценѣ появляются порой разныя лица, являющіяся въ піесѣ какъ типы, но не играющія никакой роли въ фабулѣ. Тутъ приходитъ артельщикъ съ платьемъ для барышни отъ портнихи, приходятъ какіе-то гости, лакей, баринъ, дама. Часто, суетясь безъ толку, они указываютъ на хаосъ, царящій въ домѣ Звѣздинцевыхъ.

Дѣло въ томъ, что самъ Л. Ѳ. Звѣздинцевъ страстно, до фанатизма увлекается спиритизмомъ. Устройство спиритическихъ сеансовъ и продѣлыванія разныхъ опытовъ съ медіумами являются для него важнѣйшимъ и существеннѣй-

шимъ вопросомъ жизни. Звѣздинцевъ забываетъ все: и семейную жизнь, и дѣтей, которыя, какъ ему кажется, *только мѣшаютъ*, и безусловно вѣритъ въ силу духовъ.

Супруга его, Анна Павловна, также женщина ненормальная: она вѣчно возится съ докторами, страшно боится заразныхъ больныхъ, постоянно дезинфектируетъ воздухъ и ежедневно устраиваетъ на своей половинѣ игру въ винтъ.

Василій Леонидовичъ—молодой сынъ Звѣздинцева, малый пустой, занимается только собаками, отъ которыхъ многимъ въ людской просто житья нѣтъ; онъ обзавелся другомъ, также пустымъ человѣкомъ какъ и онъ, съ которымъ кутитъ, выклянчивая деньги то у отца, то у матери. Сестра его Бетси—пустая, бездушная барышня.

Мы знакомимся со Звѣздинцевымъ какъ разъ въ то время, когда къ нему изъ Курской губерніи прибыли три мужика, ходоки уполномоченные міромъ купить барскую землю еще ранѣе запроданную имъ. Цѣль мужиковъ — уплатить первый взносъ денегъ и оформить дѣло, получивъ подпись барина на привезенномъ ими документѣ. Одинъ изъ мужиковъ приходится отцомъ вышеупомянутому буфетному мужику Семену и неодобрительно относится къ желанію сына взять въ жены Таню, ужь очень похожую на *мамзель*.

Мужики стоятъ у двери, низко кланяются и готовятся поднести барину гостинцы, когда тотъ входитъ съ Сахатовымъ. Леонидъ Ѳедоровичъ горячо доказываетъ Сахатову несомнѣнность существованія духовъ; онъ занятъ своимъ любимымъ дѣломъ. Мужики нѣсколько приближаются. Леонидъ Ѳедоровичъ съ недовольнымъ видомъ отстраняетъ ихъ словами: «сейчасъ, сейчасъ, подождите». Все снова забывается, и Леонидъ Ѳедоровичъ продолжаетъ доказы-

вать Сахатову силу духовъ, приглашая его сегодня вечеромъ на спиритическій сеансъ; тотъ обѣщается, и вотъ Леонидъ Ѳедоровичъ наконецъ обращается къ мужикамъ. Тѣ подносятъ ему деревенскіе гостинцы, а затѣмъ предлагаютъ продать имъ землю.

— Міръ насъ примѣрно вполномочилъ, чтобы взойтить, какъ полагается, черезъ государственную банку, съ приложеніемъ марки.

Мужики принесли съ собой и первую уплату 4,000 рублей, прося остальные 28,000 «обождать». Леонидъ Ѳедоровичъ пожалуй и согласенъ былъ бы исполнить просьбу мужиковъ, тѣмъ болѣе, что они жалуются на свое тяжелое положеніе: «Земля наша малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда». Но онъ сперва хочетъ посовѣтываться съ духами; въ виду этого онъ проситъ мужиковъ подождать, обѣщая дать имъ отвѣтъ черезъ полчаса.

Мужики въ уныніи, которое еще увеличивается, когда приходитъ сынъ Леонида Ѳедоровича Василій, вѣчно нуждающійся въ деньгахъ, и узнавъ, что крестьяне хотятъ купить землю у отца уговариваетъ ихъ «не скупиться» и даетъ имъ совѣты по сельскому хозяйству, въ которомъ онъ очевидно ничего не понимаетъ.

— Ну вотъ, говоритъ онъ, — вы и не скупитесь. Вѣдь земля что? Можно вѣдь на ней пшеницу рядами, я вамъ скажу, посѣять; 300 пудовъ можно взять, по рублю за пудъ—300 рублей. А? что? А то мяту, такъ 1000 рублей, я вамъ скажу, можно съ десятины слупить.

— Двиствительно, говоритъ одинъ изъ мужиковъ, — это вполнѣ всѣ продукты возможно въ дѣйствіе произвести.

— Такъ непремѣнно мяту. Вѣдь я учился про это. Это въ книгахъ напечатано. Я вамъ покажу.

— Двиствительно. Вамъ виднѣе. Умственность значитъ.

Но вотъ на бѣдныхъ мужиковъ внезапно нагрянула новая бѣда. Въ переднюю входитъ супруга Леонида Ѳедоровича, помѣшанная, какъ мы сказали выше, на дезинфекціи.

Анна Павловна собирается куда-то ѣхать и только-что простилась съ докторомъ, который тутъ же даетъ ей свои послѣдніе совѣты, какъ вдругъ она, къ ужасу своему, видитъ мужиковъ.

— Это что̀? Что̀ это? Что̀ это за люди? кричитъ она. — Кто ихъ пустилъ? Какъ же пускать людей съ улицы въ домъ: какъ пускать людей съ улицы? Нельзя пускать въ домъ людей, которые ночевали Богъ знаетъ гдѣ! Въ одеждахъ, я думаю, всякая складка полна микробовъ, микробы скарлатины, микробы оспы, дифтерита. Да вѣдь они изъ Курской, изъ Курской губерніи, гдѣ повальный дифтеритъ... Докторъ, докторъ! Воротите доктора...

Вернули доктора, который пытается успокоить Анну Павловну, прося ее «не волноваться», но та и слушать не хочетъ, говоря что теперь «полную дезинфекцію надо».

— Нѣтъ, говоритъ докторъ, — что̀-жь полную, это дорого слишкомъ, рублей 300, а то и больше станетъ. А я вамъ и дешево и сердито устрою. Возьмите-ка вы большую бутылку воды...

— Отварной?

— Все равно. Отварной лучше. Такъ на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть все чего касались, даже и ихъ самихъ, молодцовъ этихъ,

коли съ ними дѣло надо имѣть. Вотъ и все. Тогда смѣло... Да того же состава чрезъ пульвиризаторъ въ воздухъ пропустите стаканъ хоть. И посмотрите какъ хорошо будетъ. Совершенно безопазно.

Анна Павловна поручаетъ произвести дезинфекцію горничной Танѣ, а мужиковъ велитъ прогнать вонъ. «Вонъ, вонъ, вонъ, чтобъ ихъ духу не было».

Дворецкій совѣтуетъ мужикамъ бросить все это дѣло и ѣхать домой. Онъ прямо-таки отдаетъ имъ бумагу, выражаетъ нежеланіе барина подписать ее и гонитъ мужиковъ.

Помочь мужикамъ берется продувная Таня. Мужики обрадованы и обѣщаются ей выдать ее всѣмъ міромъ за Семена, если ихъ дѣло устроится. Таня же, всегда обманывавшая своихъ господъ ради забавы при спиритическихъ сеансахъ, создала себѣ планъ обмануть и на сегодняшнемъ сеансѣ всѣхъ присутствующихъ, подкинувъ барину бумагу мужиковъ и подставить чернильницу и перо для подписи, якобы по наущенію духовъ. Но для этого ей нуженъ сообщникъ. Она рѣшаетъ что этимъ сообщникомъ будетъ возлюбленный ея, буфетный мужикъ Семенъ, котораго она выдастъ барину за «медіума».

Съ этою цѣлью Таня вызываетъ барина, чистосердечно высказываетъ ему свою страсть къ Семену, сдѣлавшему ей предложеніе, но опасается за то что порой съ Семеномъ бываетъ что то не ладное, «въ родѣ какъ спиритечество». Какъ только онъ задремлетъ у стола, сейчасъ столъ затрясется, весь заскрипитъ, такъ: тукъ, ту тукъ! А то... когда это было?... Да, въ середу. Сѣли обѣдать Только онъ сѣлъ за столъ, а ложка сама ему въ руки прыгъ. Ну вотъ, я и опасаюсь и объ этомъ спросить хотѣла, что не будетъ ли отъ этого вреда?

Леонидъ Ѳедоровичъ вполнѣ успокаиваетъ Таню и разъясняетъ ей что «это особенная сила, она во всѣхъ есть, только въ однихъ слабѣй, въ другихъ сильнѣй», и рѣшаетъ испытать «своего» медіума сегодня же на спиритическомъ сеансѣ.

Затѣмъ Таня проситъ и дворецкаго помочь ей въ дѣлѣ ея свадьбы, на что̀ тотъ съ достоинствомъ соглашается. Со свойственною ему важностью онъ беретъ газету, которую часто читаетъ, и разсѣвшись поудобнѣе въ кресло произноситъ финальную фразу перваго акта: «Ну-ка, что̀ Фердинандъ, какъ изворачивается?»

Второе дѣйствіе происходитъ въ черной кухнѣ дома Леонида Ѳедоровича. Мужики спроваженные сюда Таней пьютъ чай, толкуютъ съ дворецкимъ о Танѣ, рѣшаютъ въ утвердительномъ смыслѣ ея бракъ съ Семеномъ и безпокоятся за судьбу своего дѣла, жалуясь на безземелье.

А между тѣмъ, наверху происходитъ предварительный спиритическій опытъ съ Семеномъ. Пришедшая въ кухню кухарка сообщаетъ объ этомъ присутствующимъ въ кухнѣ. Въ кухню то и дѣло являются разныя лица, то кучеръ съ громкою жалобой дворецкому что ему житья нѣтъ отъ собакъ молодаго барина, то лакей за разною разностью, какъ напримѣръ: за кислою капустой для молодой барышни (Бетси), то другой лакей,—съ посылкой въ аптеку, то Настя и т. д. На печи кряхтитъ старый поваръ, когда-то жившій у господъ, но теперь ставшій жалкимъ пропоицей.

Предметомъ бесѣды становятся «господа» и ихъ житье-бытье. Разговоръ главнымъ образомъ ведется сперва кухаркой, а потомъ лакеемъ Яковомъ. Кухарка разсказываетъ какъ господа «жрутъ».

— Да ужъ какъ здо́ровы жрать—бѣда, говоритъ кухарка.—У нихъ вѣдь нѣтъ того чтобъ сѣлъ, поѣлъ, перакрестился, да всталъ, а безперечь ѣдятъ.

— Какъ свинья, въ корыто съ ногами, замѣчаетъ одинъ изъ мужиковъ.

— Только, Господи благослови, глаза продерутъ, сейчасъ самоваръ, чай, кофій, щикаладъ. Только самовара два отопьютъ ужь третій ставь. А тутъ завтракъ, а тутъ обѣдъ, а тутъ опять кофій. Только отвалятся, сейчасъ опять чай А тутъ закуски нойдутъ, конфеты,—и конца нѣтъ! Въ постели лежа и то ѣдятъ!

— Ну, а когда же дѣла то дѣлаютъ?

— Какія у нихъ дѣла? Въ карты, да фортепьяны, — только и дѣловъ. Барышня, такъ та, бывало, какъ глаза продеретъ, такъ сейчасъ къ фортепьянамъ, и валяй! А это что̀ живетъ, учительша, стоитъ ждетъ бывало, скоро ли опростаются фортепьяны: какъ отдѣлалась одна,—давай эта закатывать. А то двое фортепьянъ поставятъ, да по двое вчетверомъ запузыриваютъ, такъ-то запузыриваютъ, ажь здѣсь слышно.

Лакей Яковъ, тотъ все больше барыню пробираетъ за то что она боится «мокро́вовъ» (микробовъ).

— Это, они говорятъ, такія козявки есть, отъ нихъ, молъ, и болѣзни всѣ. Такъ вотъ, молъ, на васъ онѣ. Ужъ они послѣ васъ мыли, мыли, брызгали, брызгали, гдѣ вы стояли. Такая специя есть, отъ нея дохнутъ онѣ, козявки то.

— Такъ гдѣ же онѣ на насъ, козявки-то эти? спрашиваетъ съ недоумѣніемъ одинъ изъ мужиковъ.

— А почемъ она знаетъ, что онѣ на мнѣ? Може на ней этой пакости больше моего?

— А вотъ поди спроси ихъ.

— А я полагаю пустое это.

— Извѣстно пустое. Надо же дохтурамъ выдумывать, а то за что бы деньги платить? Вотъ къ намъ каждый день ѣздятъ. Пріѣхалъ, поговорилъ—десятку.

— Врё...

Наконецъ явившаяся въ кухню Таня разсказываетъ къ изумленію мужиковъ какъ она «затягиваетъ» барыню, пояснивъ что она это дѣлаетъ «какъ вотъ запрягаютъ, еще въ руки плюютъ».

— Засупониваешь, значитъ, говоритъ одинъ изъ мужиковъ.

— Засупониваю, говоритъ Таня смѣясь, — а ногой въ нее не упрешься.

Этотъ интересный разговоръ прерывается явленіемъ въ кухню Василія Леонидовича и Сахатова, держащаго въ рукѣ серебряную ложечку: они хотятъ спрятать ложечку дабы дѣйствующій на верху медіумъ Гросманъ отыскалъ ее и этимъ ясно доказалъ всѣмъ свою силу.

Тутъ происходитъ маленькое недоразумѣніе. Василій Леонидовичъ хочетъ спрятать ложку въ карманъ мужика, мужикъ же думаетъ что неизвѣстный ему господинъ хочетъ отнять у него деньги; мужикъ сердится, господа хохочутъ и незамѣтно для мужика кладутъ ложку въ его котомку лежащую на полу.

Наконецъ все въ кухнѣ собирается ко сну. Мужики легли по лавкамъ и вздыхаютъ. Вдругъ дверь съ шумомъ расраствоpяется, слышенъ топотъ массы ногъ и въ кухню влетаетъ дѣлая полпа господъ. Впереди ихъ идетъ медіумъ съ завязанными глазами, его ведетъ Сахатовъ. Медіумъ поры-

висто шаритъ руками по стѣнамъ, печкѣ, задѣваетъ мужиковъ. Всѣ мужики недоумѣваютъ, они вскочили со своихъ мѣстъ и, какъ видно, боятся и ровно ничего не понимаютъ. Наконецъ, къ великому испугу третьяго мужика, медіумъ шаритъ вокругъ него. Пришедшая въ кухню и Анна Павловна напустилась на кухарку, какъ смѣла та пустить въ кухню «зараженныхъ дифтеритною заразой» мужиковъ.

Петрищевъ, товарищъ молодаго Василія Леонидовича, остритъ:

— Дифтеритная—не знаю, а нѣкоторая другая зараза воздуха есть. Вы слышите? Чтó это духи, или духи?

Медіумъ, къ общему восторгу, находитъ ложечку въ мужицкой котомкѣ. Василій Леонидовичъ потѣшается надъ мужикомъ:

— А! такъ вотъ гдѣ наша ложечка нашлась! Такъ ты такъ-то?

— Чего такъ, говоритъ испуганный мужикъ.—Не бралъ я твоей ложечки. И чтò путаешь. Не бралъ я и не бралъ и душа моя не знаетъ. А вольно ему? Я видѣлъ: онъ приходилъ и не за добромъ. Кошель, говоритъ, давай. А я не бралъ, вотъ-те Христосъ, не бралъ.

Мужика насилу успокаиваютъ.

Въ кухнѣ въ это время происходитъ большая сумятица, профессоръ доказываетъ научную сторону получившагося эффекта, докторъ измѣряетъ пульсъ, температуру, Гросману дурно. Анна Павловна накидывается на мужа и категорически требуетъ удаленія мужиковъ, которые не прочь и сами уйти ото всего этого безобразнаго и непонятнаго имъ. Таня, обнадеживая мужиковъ, отправляетъ ихъ въ дворницкую.

—

Въ третьемъ дѣйствіи на сценѣ происходитъ приготовленіе къ сеансу и самый сеансъ съ домашнимъ медіумомъ, буфетнымъ мужикомъ Семеномъ. Таня уже научила его что нужно дѣлать, чтобъ обмануть господъ:

— Притворись спящимъ, а какъ я позвоню въ колокольчикъ, жми, крѣпко жми всѣхъ вокругъ себя, пока баринъ не подниметъ бумагу, которую я въ потьмахъ брошу на столъ. Смотри только вправду не засни.

Простой мужикъ Семенъ въ поддевкѣ понимаетъ все прекрасно. Таня наготовила нитокъ, привязавъ ихъ къ разнымъ угламъ комнаты, чтобы въ потьмахъ задѣвать ими по головамъ присутствующихъ. Тутъ же лежитъ гитара, колокольчикъ, гармоника. Бетси застаетъ ее именно при этомъ занятіи. Таня сознается ей въ своихъ проказахъ, и Бетси въ восторгѣ, такъ какъ вся молодежь вообще не сочувствуетъ этимъ сеансамъ.

Гости уже съѣхались. Въ началѣ дѣйствія на сцену является Леонидъ Ѳедоровичъ и профессоръ, приглашенный участвовать для научныхъ изслѣдованій при сеансѣ.

Профессоръ читаетъ длинную ученую лекцію о медіумическихъ явленіяхъ и ихъ научномъ значеніи, о различныхъ «матеріяхъ», объ «эфирѣ», объ «энергіяхъ» и т. д. Никто ничего не понимаетъ, молодежь все время шепчется и хохочетъ, Сахатовъ пробуетъ спорить съ профессоромъ, который однако ничѣмъ не смущается и продолжаетъ нести свой вздоръ о «медіумической энергіи». Одна только «толстая барыня» ободряетъ профессора словами:

— Да, теперь я понимаю. Какъ я вамъ благодарна!

Вся эта сцена съ «профессоромъ» очень удачна и полна тонкаго юмора.

Наконецъ Семена усыпляютъ. Свѣчи уже потушены, и Таня дѣйствуетъ очень искусно. Она тихо задѣваетъ по головамъ то того, то другаго изъ присутствующихъ, проводя по комнатѣ натянутою ниткой, звонитъ въ колокольчикъ. На столъ дѣйствительно падаетъ бумага, чернильница, перо. Задѣтые по головамъ чѣмъ-то невидимымъ гости робѣютъ, у Сахатова оказалась въ рукахъ порванная имъ нитка.

Сидящая тутъ же молодежъ, а именно Бетси, Василій Леонидовичъ, его другъ Петрищевъ и Марья Константиновна все время хохочутъ. Семенъ махаетъ надъ собой сѣрными спичками, показывая такимъ образомъ свое лучеиспусканіе свѣта. Василій Леонидовичъ кричитъ поросенкомъ и тѣмъ окончательносмущаетъ въ особенности дамъ, порядкомъ труситъ Сахатовъ съ ниткой и профессоръ прижатые къ столу сильными руками Семена. Очутившись такимъ образомъ въ очень неловкомъ положеніи они требуютъ наконецъ свѣта.

Когда Леонидъ Ѳедоровичъ зажегъ свѣчи, то предъ его взорами оказалась бумага возвращенная имъ мужикамъ. Онъ поражается, видитъ въ этомъ сверхъестественномъ явленіи ясно выраженную волю духовъ и, не колеблясь, подписываетъ бумагу, которая передается дворецкимъ курскимъ мужикамъ. Такимъ образомъ Таня обдѣлала свое дѣло одурачивъ всѣхъ. Третье дѣйствіе кончается сценой Тани съ лакеемъ Григоріемъ, который обѣщаетъ ей открыть все господамъ, такъ какъ «ты не по моему дѣлаешь».

— И по вашему не сдѣлаю, и ничего мнѣ не сдѣлаете, отвѣчаетъ ему Таня.

—

Въ послѣднемъ дѣйствіи представлена опять та же лакейская.

Какъ видно, въ домѣ гости, такъ какъ въ передней сидятъ чужіе лакеи, дворецкій. Они судачатъ господъ. На сценѣ происходитъ бѣготня лакеевъ то съ подносомъ закуски, то съ фруктами, нѣкоторые пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ. Словомъ, мы видимъ разныя бытовыя картины рисующія нѣкоторыя тонкости свѣтской жизни и отдѣльные виды «плодовъ просвѣщенія».

Послѣ ухода гостей на сцену прямо врываются мужики, желающіе теперь, имѣя въ рукахъ подписанный документъ, отдать только деньги. Между тѣмъ въ передней происходитъ еще одинъ домашній скандалъ. Оказывается, что Семенъ подрался съ Григоріемъ изъ-за Тани, къ которой послѣдній все пристаетъ, подошедшей же тутъ Аннѣ Павловнѣ Григорій въ сердцахъ разсказываетъ о продѣлкѣ Тани и о продажѣ по ея милости земли мужикамъ.

Анна Павловна внѣ себя отъ досады, она упрекаетъ или, лучше сказать, прямо ругаетъ мужа:

— Я говорила вамъ, что нельзя продавать землю въ долгъ, и всѣ вамъ говорили. А васъ обманываютъ, какъ самаго глупаго человѣка.

Кончается тѣмъ, что Анна Павловна называетъ его дуракомъ и объясняетъ суть дѣла.

Мужики просятъ принять деньги и отпустить ихъ скорѣе. Таня во всемъ признается и тоже проситъ разчета. Одного изъ самыхъ усердныхъ лакеевъ барыня приказываетъ прогнать ни за что̀, ни про что̀. Всегда лѣнивый и избалованный лакей Григорій, любимецъ барыни, злобно торжествуетъ.

Но вотъ является профессоръ.

Анна Павловна злорадно объявляетъ ему, что вчера его обманула эта «дѣвчонка»...

Но профессоръ этимъ нисколько не смущается:

— Очень можетъ быть, поясняетъ онъ, — что дѣвушка эта хотѣла обманывать; это часто бываетъ, можетъ-быть она, что-нибудь и дѣлала. Но то, что она дѣлала—дѣлала она; то, что было проявленіемъ медіумической энергіи, было проявленіемъ медіумической энергіи. Даже весьма вѣроятно, что то, что дѣлала эта дѣвушка, вызывало, самоцитировало, такъ-сказать, проявленіе медіумической энергіи, давало ей опредѣленную форму.

Леонидъ Ѳеодоровичъ точно также не перестаетъ вѣрить въ спиритизмъ и уводитъ профессора въ свой кабинетъ читать отчетъ о XIII съѣздѣ спиритуалистовъ въ Чикаго.

Анна Павловна опять напускается на мужиковъ.

— Да смотрите, кричитъ она, пристально вглядываясь въ одного изъ нихъ, —у него на носу сыпь!.. Онъ больной, онъ резервуаръ заразы! Вѣдь я вчера говорила, чтобъ ихъ не пускать, и вотъ они опять тутъ. Гоните ихъ вонъ.

— Что же, не прикажете деньги принять? спрашиваетъ ее камердинеръ.

— Деньги? Деньги возьми. Но ихъ, особенно этого больнаго, вонъ, сію минуту вонъ! Онъ совсѣмъ гнилой!

— Напрасно ты, мать, напрасно, говоритъ обиженный мужикъ.—У моей старухи, скажемъ, спроси. Какой я гнилой! Я какъ стеклышко, скажемъ!

— Еще разговариваетъ! Вонъ, вонъ! Все на зло. Нѣтъ. Я не могу, не могу!

Анна Павловна убѣгаетъ чуть не въ истерикѣ, послѣ

чего Таня и мужики съ радостью покидаютъ этотъ удивительный домъ, отличающійся такими своеобразными плодами просвѣщенія.

Таково содержаніе комедіи графа Л. Н. Толстаго. Разыграна была комедія съ большимъ успѣхомъ. Изъ исполнителей особенно выдавались гг. Ѳедотовъ, Лопатинъ, Румянцевъ и Лопухинъ, г-жа Леонова и графиня Т. Л. Толстая, дочь автора комедіи.

90 22314
Posliednie proizvedeniia grafa
Stanford University Libraries
3 6105 043 110 787